

ПАРАНОЙЯ ПОБЕДИТЕЛЯ

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР)

18+

ВЛАДИМИР ХОЗЕЕВ

Владимир Хозеев

Паранойя победителя

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хозеев В. А.

Паранойя победителя / В. А. Хозеев — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Книга представляет собой истории о самом известном и великом человеке всех времён и народов — Александре Македонском. Все события, описанные здесь, подлинные. Чтобы добыть необходимую информацию и максимально правдиво описать произошедшее, автору пришлось основательно потрудиться. Истории эти описываются от лица и с точки зрения главного героя — самого Александра Великого. Главная мысль произведения — продемонстрировать, как всё происходило на самом деле.

© Хозеев В. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Глава 1: Пролог (простите, но об этом я не написать не могу!!!)

Некоторые невероятные истории происходят из-за рождения человека, того или иного. Вроде бы ты понимаешь, что если бы он не родился, то всё бы шло дальше, всё бы продолжало жить, но уже совсем не так. И ты это отчётливее понимаешь, чем больше думаешь об этом. Именно один родившийся человек всё может поменять, всё сделать иначе или по-другому и всё вокруг меняется. Он не хороший или плохой, он просто человек, другой человек, который смог не подстроиться под окружающих, а сам подстроить окружающий мир под себя. И это не значит, что он маньяк или параноик, как подумал бы кто-то из вас. Просто бывают люди, которые выстраивают этот мир, они что-то меняют, меняют устои и нормы, а позднее все живут уже по новым устоям и нормам, при этом эти все уверены, что эти устои и нормы существовали всегда и никто не приложил к ним свою руку. На самом деле все законы и правила вводят после того, как кто-то один озвучит их и все остальные с ним согласятся. В этом моём повествовании речь пойдёт о человеке, который относится к категории людей, которых всегда очень мало, они думают чуть больше остальных и всегда знают, что делать.

Итак, сама история.

Я бы никогда не написал то, что собираюсь написать сейчас, если бы эти тексты не покорили меня своей искренностью и непосредственностью. Дело в том, что я далёк от литературы и не являюсь писателем. Даже больше того – я вообще не умею писать, писать образно и красиво, как это делают писатели. Профессия моя абсолютно далека от писательской деятельности (не буду называть её, чтобы не забивать голову читателям лишней информацией, так как она не имеет никакого отношения к происходящему). Никаких лавров я не ловлю и об известности не мечтаю. Однако, повторюсь, летопись эту я не могу не написать, так как она поразила меня до глубины души.

Одним жарким летом, не буду говорить какого года, у меня появилась возможность съездить в отпуск. Оставив жену и детей дома, я решил съездить куда-нибудь, отдохнуть. Выбор пал на Иссык-Куль. Ехать на поезде я не стал, потому что хотелось посмотреть красоты всего пути (я вообще люблю ездить за рулём), поэтому я сел на свою машину, думая, что сэкономлю пару дней до места назначения и при этом вдохну свежий воздух Казахстана. Живу я в Сибири, в принципе не так уж далеко до озера Иссык-Куль, как если бы я ехал из Москвы или Санкт-Петербурга.

Недолго думая, я собрал вещи и поехал. Должен сказать, что я не придерживался прямого пути. Мне хотелось останавливаться в разных населённых пунктах, чтобы перекусить чем-нибудь из национальных блюд и выпить чего-нибудь необычного. А также я любитель покупать всякие необычные национальные безделушки, которые радуют глаз и оставляют приятные воспоминания. Кроме этого, меня интересуют всевозможные гадания и я готов выслушать любую цыганку, которая конечно скорее наврёт с три короба, чем скажет правду. Но я, выслушав, долго анализирую и, в конце концов, чаще не верю, чем верю, но мне, тем не менее, интересно выслушать, так как я верю в саму возможность заглянуть в будущее.

Но вернёмся к моему путешествию. Опущу неинтересные моменты: проезд границы и остановки в разных населённых пунктах и разные замысловатые покупки, которые не относятся к нашему повествованию, и приступлю непосредственно к той остановке, которая стала ключевой в моей жизни, перевернув моё сознание.

В одном из маленьких городков я узнал, что неподалёку от этого места в небольшом степном селе практикует один известный казахский прорицатель. Я решил его посетить. Встреча с целителем была достаточно плодотворной – он сумел описать мою прошлую жизнь довольно детально, а не общими фразами как это делают плохие экстрасенсы, поэтому я поверил в предсказание моей будущей жизни. Удивило меня и то, что он предсказал, что я буду известным

человеком. На вопрос: почему? – он сказал, что пока не знает, но может немного помочь в этом. Он принёс мне большую кипу бумаг и сказал, что он умеет разговаривать с духами, в частности в этих записях его разговор с одним из них. Он объяснил, что духи обычно не любят, когда их часто тревожат, но с этим он сдружился и тот сам пошёл на контакт.

– Напиши для начала вот это... – он протянул мне эти записи.

Я был немного ошарашен этим предложением, но отказаться не смел. Я сказал, что хочу съездить отдохнуть, а затем вернусь и заберу рукопись. Целитель был не против, он ответил:

– Я знаю, что ты в любом случае вернёшься... Я хочу чтобы ты опубликовал это – ведь в рукописях не что иное как правда.

Весь свой отдых я думал о том, что же написано в той рукописи и почему он решил отдать её мне. Там же на озере я встретил трёх незнакомцев. Они выглядели как «люди в чёрном» и разговаривали почти так же:

– Ты нас не знаешь, но мы хотим тебя предупредить...

– Чем я могу помочь? Я не агент 007, не работаю в ФСБ или ЦРУ, я просто отдыхаю, может, найду девушку для развлечений или позагораю с бутылочкой пива...

– Шутить не надо, дело серьёзное. Мы знаем, что вы встречались недавно с нашим известным прорицателем и хотим вас предупредить...

– Что я такого успел натворить?

– Вы пока ничего, но этот колдун может. Мы знаем, что он предложил вам какие-то рукописи? Это правда?

Я засомневался, стоит ли говорить незнакомцам правду, но они меня достаточно напугали своим видом и манерой общения...

– Ну не знаю... Какие рукописи?

– На самом деле это был вопрос, и вы на него сейчас ответили. Так вот ни под каким предлогом вы не должны там больше появляться. Вашу машину мы обыскали, пока вы здесь загораете, у вас в плавках рукописи быть не может, значит, вы её не забрали – это нас устраивает. Отдыхайте и сразу напрямик домой – никаких повторных поездок к колдуну. Понятно?

– Не всё. Что там у него за рукопись?

– Дело в том, что к нему обращаются родственники умерших людей, желая узнать, как умерли эти люди. Колдун общается с духами самых известных людей нашей страны и может раскрыть не одну тайну. Поэтому мы отслеживаем все его контакты. Дело в том, что он не совсем... как это сказать... благонадёжен. Его характер и принципы оставляют желать лучшего. Понимаете?

– Да тяжёлый случай! У вашего шамана много рукописей, какая именно так опасна?

– Какая именно точно мы не знаем, поэтому мы стараемся не выпустить из его рук ни одну из них. Как мы уже сказали, шаман очень своенравный – он знает о нас, но не хочет сотрудничать с нами. Нам стало известно, что из его дома может произойти утечка информации и этого допустить нельзя. Надеемся на ваше понимание.

– Но это же глупо. Вы поверили в опасность компроматов, которые в глаза не видели. Может быть, все его записи безвредны. Может быть наоборот, если о них узнают люди, то это расширит их кругозор или они станут... ну не знаю... счастливее что-ли?

Трое незнакомцев изменились в лице, причём одновременно как по команде. Их лица стали каменными. Они перешли на «ты»:

– Обсуждать это мы с тобой не будем. Просто не приближайся к нему, не появляйся в его селе. Иначе не доедешь до границы – навсегда останешься в этой земле. Стоит ли неизвестная рукопись твоей жизни? Цель твоей поездки – отдых, вот и отдыхай и по прямой – до дома!

– Ну я понял, подумаю.

– О чём ты должен думать мы тебе уже сказали. Вопросы будут?

– Да. То есть, нет.

Угрозы показались мне достаточно реальными, поэтому я ничего им не ответил. Люди в чёрном ушли, а я не знал, что и думать. Прошло несколько дней моего отдыха, и постепенно страх перед незнакомцами у меня сменился на непреодолимое желание узнать, что за рукопись хотел мне дать шаман. Толком не расслабившись и не отдохнув, и не помня никаких красот Иссык-Куля, я через несколько дней полетел на своей машине назад. Ехал я обходными дорогами, но всё равно хотел заехать к этому провидцу-шаману и получить рукопись. Слежки за собой я не заметил, но понимал, что если эти люди профессионалы, то вполне возможно они знают, куда я поехал. Но я хотел запутать их, взять рукопись и исчезнуть из этой страны навсегда.

Когда я нашёл тот посёлок – я не узнал его. Населённый пункт полностью опустел, а юрта шамана была сожжена дотла. Похоже, люди в чёрном совершили массовый акт насилия – в поселении не было ни единого человека. В опустевших домах на некоторых стенах засохла кровь... Я подошёл к месту, где была юрта казахского провидца. Здесь было пепелище. Шамана и след простыл. Что делать я не знал. Я как будто попал в некий иной мир, где всё было иначе. В растерянности я простоял, глядя на всё это несколько минут, может час, может два. Внезапно ястреб, летевший над этим местом, камнем упал замертво на пепелище. В голове промелькнула мысль. Я решил, что это знак – разгрёб пепелище на месте, где упал ястреб. Я откопал кожаный свёрток. В этом свёртке находились листы, много листов исписанных русскими текстами.

Я забрал эти бумаги и бежал оттуда. Пока я ехал, я боялся открывать рукопись. Каким-то чудом я пересёк границу безо всяких происшествий. Оказавшись дома, я глубоко погрузился в чтение и вот, что я там прочитал...

Эти записи – исповедь духа одного человека. Не просто человека, а известного человека – Александра Македонского. Того самого Александра, самого известного из Александров. Дух или призрак Александра общался с шаманом и последний записал многое из того, что услышал. Неудивительно, что казахский шаман знал этого правителя – многие азиатские народы имеют свои легенды об Александре, чаще всего его называют здесь Искандер Зулькарнаин («Александр Двурогий»). Все среднеазиатские народы почитают его как великого правителя. Здесь он рассказывает самые необычные события из своей жизни, из жизни Александра Македонского. Этому человеку посвящено немало книг, заметок и исторических анекдотов. Но этого нет нигде – он сам расскажет о себе то, чего не написали бы античные авторы, и не поведали бы те, кто безудержно восхваляет все его поступки, называя их подвигами. Кем он был на самом деле? Почему он стал таким, каким был? Этот труд должен дать ответ на этот вопрос.

Здесь речь пойдёт не о богатстве и бедности, величии и ничтожности, об этом уже много написано. Речь пойдёт о том, чего не знает обычный человек и не может знать в силу причин, которые я опишу в дальнейшем. Я покажу Великого Александра, но покажу его с того ракурса, с которого его ещё никто не видел. Точнее, он сам расскажет о себе и о том, какие важные, но никому не известные события происходили с ним, что он чувствовал при этом и какие мысли обуревали его.

Хочу дать сначала немного информации тем, кто совсем не знает кто такой Александр Македонский.

Жил этот человек 23 века назад. То время кажется нам очень суровым и диким, так как мы знаем о нём только из источников авторов, которые жили гораздо позже самих событий (Плутарх и Арриан Флавий жили на 400 лет позже Александра, а Квинт Курций Руф на 300). А учитывая, что для римской идеологии (её духа экспансии) фигура Александра Македонского была определяющей эту идеологию, как у монголов имя Чингисхана. Когда политики Рима не знали, что делать, они вдохновлялись поступками и идеями этого великого человека. Поэтому правды о его жизни написано столько же, сколько в наше время, к-примеру, о Ленине. Вся его жизнь соткана историками из разрозненных анекдотов и рассказов, встреч с известными людьми того времени, которые практически всегда выдуманы. Для римлян этот человек был

тем же, чем сейчас для христиан Иисус Христос, эталоном для подражания. А эталон может быть только идеальным, все поступки его безупречны, а мысли возвышенны. Само то время мы видим только по крупным сражениям великих армий, по коварным убийствам, по захватам земель и ничего не можем сказать ни о быте, ни о жилищах, ни даже о еде людей того времени. Конечно, это была не эра информационных технологий. Но люди были такие же, как и сейчас: они также любили и стеснялись своих чувств, ненавидели и могли убить в порыве гнева, но это не даёт нам право думать, что тогда жили тупые киборги, у которых не было мозгов, но всего остального было в избытке – и любви и ненависти и физической силы (обо всём этом так много написано в разных источниках). Да, человек был ближе к природе, питался всем абсолютно экологически чистым, политический строй практически везде в греческих городах вырос из первобытнообщинного строя с его всеобщими собраниями и всенародным обсуждением всех важных вопросов и поэтому имел разные формы демократии. Даже там, где правитель считался диктатором, на свой пост он вставал путём народных или армейских выборов. Так что демократии в Греции было вдоволь, а преступности мало, так как за нарушением законов следили все в общине, от старейшин до последнего подростка, потому что все они не хотели иметь под боком вора, жулика или маньяка-головореза. К сожалению сейчас дела в этом смысле обстоят гораздо хуже: 100 полицейских на 10000 человек и никто не следит за порядком, наоборот, все готовы нарушить закон. Жизнь в Греции была спокойная и размеренная. Настолько спокойная и размеренная, что люди находили причины, чтобы вести военные действия, но при этом вели они войны только в тёплое время года, а на зиму заключали перемирие. Ночевать зимой в холодных передвижных лагерях им очень уж не хотелось. Военные действия прекращались также во время крупных спортивных состязаний и состязаний муз – Дельфийские игры – состязание музыкантов, поэтов, актёров. Да, жилось хорошо, но была одна проблемка – с Востока на Грецию всегда смотрели своим экспансионным (ну или экспансионистским, кому как нравится) глазом товарищи из Ирана (Персии). Идея царя Кира Великого, объединить все народы под персидским флагом не давала покоя и последующим правителям этой страны. А греки на Балканах никак не хотели подчиниться огромной империи, и империя ждала своего часа. Интересно сказать, что изначально ни один народ не мечтает поработить все соседние народы, чтобы подавлять их или уничтожать. Но в любом народе есть несколько человек, которые думают, что могут обмануть всех и заставить работать на себя. Такие люди были и у греков и у персов. Да это и есть элита общества, которая как все думают должна продвигать культуру и защищать свой народ, но обычно эти люди идут по пути наименьшего сопротивления. Они поработают, кого могут поработить в своей стране и погружаются в расслабление и излишества. Перепив горячительных напитков, эти люди начинают мечтать о захвате соседних земель, подзадоривая друг друга «свой народ мы же смогли поработить!» Но начав войну, они понимают, что ведение войны – это сложная стратегическая наука. Война не выигрывается тем, у кого больше воинов. Сейчас я, конечно, говорю не об Александре, я говорю о персидских царях, которые решили, что имеют право подавлять и управлять любыми народами существующими на земле. А грекам пришлось столетиями ожидать нашествия с Востока, только из-за того, что кто-то очень далеко в Персеполе или Сузах (столицах персов) решили, что они хотят управлять этими народами. Но от постоянного ожидания большой войны с персами в греках что-то окрепло и неожиданно для персов греки объединились под эгидой македонского царя (Филиппа, он первый выдвинул идею всегреческого похода на персов). После смерти Филиппа Александр чётко и громогласно заявил, что не испугается и выполнит план вторжения в большую империю. Ему оказались неинтересны погружения в развлечения и наслаждения, коими страдали обычные монархи, добившиеся власти – нет, он стал выполнять план, который поддерживали почти все греки. Решительные действия с одной стороны, всеобщая поддержка с другой дали свой оглушительный результат – империя, угнетавшая всех и мечтавшая угнетать ещё больше людей, неожиданно рухнула. Так обычно и происходит – то, что кажется несокруши-

мым и будет существовать всегда, и именно в момент наивысшей веры в это несокрушимое, это несокруσιμο-непоколебимое разваливается как карточный домик, как что-то ненужное и вредное.

То есть, теперь мы понимаем, что Великий Александр стал Великим, потому что его поддержали все: балканские греки, фракийцы, малоазийские греки, карийцы, египтяне и так далее. Величие полководца не в том, что он всех заставил подчиниться своей воле, а в том, что он выполнил волю поддерживавших его людей. Он возглавил и грамотно реализовал пожелание всех греков – и в этом его величие. Вот если бы его убили в первом же сражении, что чуть было не произошло на самом деле, вот тогда мы бы его совсем не знали или до нас дошло бы только его имя. Хочу сказать, что важно беречь свою жизнь, если ты делаешь что-то важное и опасное – это не трусость, это рассудительность. Но это уже отвлечение от темы.

В двадцать лет он стал царём Македонии. Это была ещё та Македония, которую населяли греки. Позднее греки ушли или стали говорить на славянском языке и теперь здесь живёт народ, который называется македонцами, но это уже совсем другой народ. Так бывает – страна называется одним и тем же именем, а народы на её территории то приходят, то уходят. Старая Македония частично совпадает с территорией нынешней славянской Македонии. Это было маленькое государство, особенно если его сравнить с Персидской империей. Так вот, Александр дал миру такое понятие как эллинизм. Эллинизм – это атака (внедрение, распространение, кому как угодно) греческой культуры во все прилегающие страны Европы до Атлантического океана, на север Африки и в Азию, вплоть до Индии. Победы Александра привели к уважению другими народами всего греческого: их оружия, их политического устройства городов, их научных изысканий и так далее.

Итак, этому человеку удалось изменить географию народов и взгляды на жизнь многих людей, экономику и политическую ситуацию в самых разных и непохожих государствах. К примеру, такое государство как Понт возникло только благодаря его воле, о чём подтверждали все цари этого государства. В наше время самый отстающий ученик в самой слабой школе мира знает имя Великого Александра. Была ли в этом заслуга самого этого человека или это окружение сделало его великим – основной вопрос этих текстов.

Существует дискуссия – обогатил ли эллинизм народы, в которые он пришёл? Есть мнение некоторых историков, что до нашествия Александра в Азии жилось очень комфортно и спокойно, все жили в достатке, много торговали и богатели, при этом обожали своего «великого правителя» – персидского царя и не хотели никаких перемен. На самом деле источников про ту эпоху очень мало, правды в тех текстах, что найдены тоже мало (потому что многие из них противоречат друг другу, а политические интриги только добавляют путаницы в тексты), но, даже собрав эту всевозможную информацию легко понять, что персидский мир имел ряд существенных минусов: политическая жизнь имела форму пресмыкания перед вышестоящими начальниками, иначе было просто физически не выжить, недостаточно прогнулся – казнь, а за одного виновного в Персии обожали казнить всю семью, да ещё и родственников на всякий случай повесят (конечно, в таких условиях легче было пресмыкаться); торговля облагалась всевозможными поборами и пошлинами, а золото после сбора налогов скапливалось в царских погребках и лежало там мёртвым грузом не принося никому никакой пользы, даже царской семье – у них и так всё было, и они не тратили золото, а принимали дары и подарки от всех окружающих. Товарно-денежных отношений для родственников царя не существовало – это один из принципов пресмыкания. Когда Александр захватил Сузы и Персеполь он нашёл там огромные склады с золотом и драгоценностями, при этом мы знаем, что в последние пару лет, перед поражением в войне, персидский царь много тратился на армию. Он начал тратить огромные деньги на модернизацию оружия, чтобы остановить армию македонцев и не дать им дойти до Вавилона и Суз – при этом, он принялся оснащать свою армию свежим оружием и лошадьми, за большие деньги пригласил несколько наёмных полков из греческих полисов, к

тому же после поражения он немало золота он прихватил с собой, когда бежал от македонцев подальше на восток, в Согдию. То есть казённые закрома персов постоянно росли, а простой народ нищал.

Теперь плавно перейду к разговору об армии персов, она тоже оставляла желать лучшего – вооружение воины приносили с собой, то есть богатый воин скакал на коне в доспехах, а бедный шёл в лохмотьях и нёс меч или пику. Грамотность, которая считается одним из качеств любой культуры, тоже была ниже плинтуса, если можно так сказать. Писать умели единицы даже среди персов, может быть, поэтому образовался целый класс писарей и чиновников из евреев. Полагаю, главная заслуга евреев здесь была в том, что они учились грамоте и умели пресмыкаться. Им бы не так повезло, если бы персы меньше ненавидели самый культурный народ в своей империи – вавилонян. Всё-таки вавилоняне считали себя самым культурным народом Азии. Из-за антагонизма персов и вавилонян последние полностью исчезли с исторической арены, а евреи, которые остались жить в Вавилоне после «великого пленения» удачно воспользовались ситуацией и стали приобретать политический вес.

Но вернусь к эллинизму. Восточные народы во время завоевания Александром их территорий сами шли к нему на поклон, потому что они устали от беспредела местных чиновников (не только персов, а тех же евреев) и отсутствия элементарной справедливости. А ведь каждый простой человек ждёт от власти имущих хотя бы видимости справедливости в управлении этими простыми людьми. Ещё Кир Великий (первый персидский царь, создавший империю), стремился к всеобщему порядку и законности в своей империи. Чтобы урезонить несправедливых судей, он садил высушенные манекены ранее казнённых судей рядом с судьёй настоящим. Так он предлагал судьям, время от времени посматривать на эти манекены и не думать о корысти. Но со времени правления Кира прошло двести лет и его порядки по большей части канули в лету. Деспотия со всеми его составляющими: обожествление монарха (объявление его богом), церемонии поклонения ему, чиновничий произвол – всё это процветало вовсю. Можно длительное время угнетать всех, но нельзя надеяться, что эти все будут при этом всегда поддерживать такую власть. То есть азиатские народы вроде бы уже смирились с такой формой правления, но не хотели поддерживать её. Но все они исполнились ожиданиями лучшей жизни при появлении Александра.

А для греков эллинизм принёс больше проблем, чем улучшений в их жизни. К примеру, они испытывали большие финансовые и политические потрясения, связанные с высокой инфляцией из-за удешевления золота и серебра привезённого с Востока. Греки, жившие в условиях демократии (конечно, в разных её формах – там была и олигархия, и ограниченная монархия и так далее) понесли первый удар для своих устоев, став в подчинение от диктата македонских царей. Общий моральный и нравственный дух греков с их великой философией и традициями свободы начали претерпевать изменения не в лучшую сторону. Разрыв между бедными и богатыми резко увеличился. Жажда наживы стала целью для лучших умов того времени. Эта жажда деформировала сознание людей. Хотя именно поэтому в то время стоит отметить общий рост товарообмена, и внутри стран и между народами.

Купцы тогда быстро богатели, в доказательство приведу пример острова Родос, который жил и кормился только за счёт торговли. Родосцы построили одно из семи чудес света Колосс Родосский, стоивший больших финансовых затрат. Нужно сказать, что памятник был размером более тридцати метров и строился из бронзы тогда, когда родосцы находились в состоянии войны с македонцами. То есть кроме затрат на строительство монумента, они покрывали ещё и свои военные расходы, которые, как все мы понимаем, являются самым тяжёлым бременем для любой государственной казны и для любого народа. Проще сказать – деньги у островитян водились.

Но вернусь к Александру. Нетрудно понять, что этому человеку приходилось на протяжении всей жизни решать важные для себя задачи, которые привели его к дальнейшему

успеху. В наших записях он сам посчитал важным рассказать некоторые факты из своего детства. Эти воспоминания оказались несколько обрывочными и слегка сумбурными, но из уважения к главному герою я не смог их выбросить из общего текста.

Хочу отметить самое главное – детство и отрочество маленького Александра было не лучшим временем в его жизни. Может быть поэтому, он выбрал не жизнь царя-домоседа, а стал царём-путешественником, если можно так сказать – путешественником и завоевателем. Детство стало периодом его становления как личности. Ему приходилось сталкиваться с очень непростыми событиями и бороться. Бороться за свою жизнь уже тогда. Такое воспитание средой дало ему сил и придало уверенности в правильности своих поступков. Победить – стало целью его жизни. А борьба – стала смыслом его существования.

Глава 2: Детство (история любви с оттенком)

Я закрываю глаза: голубое небо, чирикание птиц, стрекотание стрекоз, шелест травы... Я иду вперёд. Я слышу всё это и ощущаю запах листвы. Я иду сквозь высокий камыш. Иду не останавливаясь. Иду вперёд. Иду... Неожиданно камыш остается позади. Я подхожу к пруду. На берегу лодка. Я оглядываюсь – вокруг никого. Я сажусь в лодку. Беру весла и начинаю грести. При этом я сижу спиной вперёд, чтобы было удобнее грести вёслами. Я плыву, при этом думаю – хорошо бы посмотреть вперёд, потому, что я не вижу куда плыву.

Постепенно поднимается лёгкий освежающий ветерок, по небу поплыли огромные тёмные облака. Они устремляются куда-то туда... мне за спину – куда я не вижу. Я всем телом чувствую, что нужно посмотреть туда – куда я плыву, но что-то останавливает меня. Освежающий ветерок превращается в леденящий ветер. Меня начинает окутывать лёгкий страх – что же там... за спиной?.. Ветер приобретает некий звук, похожий на звенящий стон, резкий и отвратительный. Тут я начинаю чувствовать, что мне просто необходимо посмотреть за спину. Я набираюсь смелости – вдыхаю воздух в лёгкие и разворачиваюсь. Вдали в небе образуются огромные огненные облака. Под ними из-за горы поднимается гигантский чёрный дракон. Он настолько огромен, что занимает весь горизонт. Постепенно он приближается. Он всё ближе. Он становится невероятно огромным, а я смотрю и вижу, что он, приближаясь, растёт и поднимается ещё выше и выше – и ужас охватывает меня, потому что смотрит он только на меня. В ужасе я вскакиваю – лодка переворачивается. Теперь я падаю в бушующее чёрное море. Но... от испуга я просыпаюсь.

Ребёнком я пару раз видел этот необъяснимый сон. Моя мать не раз говорила мне, что некоторые сны сбываются. И каждый раз, когда я видел его – я понимал, что ничего хорошего он в себе не несёт.

Хочу немного рассказать о своём детстве. Точнее о том событии, которое отпечаталось у меня в сознании навсегда.

Ребёнком, я бесконечно много гулял по городу, в котором жил со своими маленькими друзьями, ища себе занятие и познавая, таким образом, этот мир. В то наше далёкое время моя мама Олимпия ещё не упорствовала, убеждая всех в том, что я родился именно от царя Филиппа. Дело в том, что этот вопрос был спорным всегда, но сейчас он не стоял так остро, как встал позже, когда я вырос и стал реальным претендентом на престол. На самом деле, в Македонии царём мог стать любой, кто был понаглее и необязательно им должен был стать старший сын царя, как это было в восточных деспотиях. Им мог стать только тот, кого одобрила армия, именно армия решала, имеет право претендент стать полноправным царём или нет. Таким образом, самый важный вопрос в Македонии решала реальная сила – армия. В противном случае мог возникнуть военный бунт или бунты, много бунтов до победного конца. Так, к-примеру, свергли Птолемея, фаворита матери Филиппа Эвридики.

Теперь о самом Филиппе, жён у него было несколько всегда, то есть не одна жена на всю жизнь, как это сейчас в Европе. При этом дворцовых служанок у него тоже было не счесть, и эти служанки иногда не отличались от его жён. И все они хотели, чтобы их дети заняли высокие посты в государстве и старались проявить себя и продемонстрировать способности своих детей. Тем более, что все они жили при дворе. Это и логично и объяснимо. Мама Олимпия тоже мечтала о высоких постах своего сына, то есть меня. Я рос при дворе, так что у меня было большое количество неродных тёть и дядь, которые, так или иначе, участвовали в моём воспитании. Многие из них, особенно дяди, занимали высокие посты при дворе и в армии.

Но вернусь к своей истории. Мама была не только одной из жен Филиппа, но вначале его прислужой.

В любом случае я рос хорошим мальчиком и никому не желал зла. Недалеко от дома, где я жил, бил холодный ручей. Я любил с друзьями ходить к нему. Как сейчас помню, я смотрю в него – в ту прозрачную родниковую воду и понимаю, что хочу всегда быть здесь. Слушать шелест травы, журчанье воды... Здесь было всё просто и понятно. Все вокруг меня мечтают только о том, чтобы всем остальным было хорошо и поэтому все радовались жизни, тому, что всё это существует и происходит на самом деле.

Человеческая жизнь... Бесценная человеческая жизнь... Как хорошо и приятно иметь её, иметь этот мир, радоваться и наслаждаться. Быть счастливым от того, что имеешь всё это: свою жизнь, мир вокруг, и своих друзей и родных. Я думал, что это не может измениться никогда. Как я был безмятежен тогда!

Моя жизнь была до краёв наполнена всем, что мне было нужно. Вот почему мне было так хорошо тогда. Всё это было до того момента, пока не случилась эта история, которая заставила меня изменить моё отношение к этому миру.

Мне тогда было... лет пять. Тогда я воспылил своей детской любовью к девочке.

Её звали Аспазия. И хоть мы недолго были вместе, но уже очень сильно привязались друг к другу. Мы говорили обо всём и знали друг о друге всё...

После обеденной трапезы мы пошли к пруду. А именно в этот день почему-то мы с Аспазией были вдвоём, остальные мальчики и девочки куда-то разбрелись в разные стороны. Кто-то пошёл играть в «войнушки», кто-то собирал ягоду в близлежащих садах, кто-то делал что-то ещё, даже не знаю что, а мы были вместе с Аспазией. Она принесла мне яблоко – очень крупное, таких у нас не растёт, значит, это яблоко привезли из-за границы, откуда-то издалека с Севера и оно очень редкое. Я поблагодарил её, надкусив его, но потом сказал, что хотел бы съесть его вместе с ней. Так мы и сидели: сначала откусит она, потом я – она, я. Было необыкновенно волнительно делать это. Мы как будто стали проникаться друг другом, чувствовать друг друга. Если мы ненароком касались руки другого, то не отбрасывали руку, как это делают незнакомые или малознакомые люди, а мы, как будто испытывая притяжение, немного приостанавливались, а затем продолжали делать то, что делали. Было как-то волшебное!

В воду мы обычно не заходили потому, что нам этого не разрешали взрослые. Поэтому мы просто сидели на берегу и кидали камешки в воду, при этом мы обычно разговаривали о чём-то неважном, к-примеру, о великанах или древних героях, свирепых хищниках или добрых домашних животных. Она почему-то спросила меня:

– Ты катался на лодке?

– Нет, – ответил я.

– Но мы не сядем в лодку, потому что нам нельзя.

– Да не сядем.

– Тогда давай погуляем.

– Давай.

– Смотри утка! – и она показала, как из-за камышей взлетела птица в лазурное небо.

– Я думаю это не утка. Может воробей.

Мы сели на камень и стали разглядывать всё, что происходит перед нами и детально, насколько можно, обсуждать всё.

Неподалёку из лодки на пруду ловил рыбу местный конюх Елистрат. Через какое-то время он подплыл к берегу и ушел. Лодка осталась на берегу. Чувство какого-то беспокойства переполняло меня, но я не сказал ничего.

– Давай подойдём, посмотрим что там, – она указала в сторону лодки.

– Давай, – мы подошли к лодке.

К лодке крепилась веревка, а на берегу был колышек, к которому она была привязана.

Мы подошли поближе – к лодке были прикреплены два весла. Вроде бы в ней больше ничего не было. Чтобы испытать какие-то новые ощущения, Аспазия запрыгнула в лодку и крикнула мне, чтобы я сделал тоже самое. Хотя лодка и была привязана к колу на берегу, я чего-то испугался и весь в колебаниях остался стоять. Мы ещё не поняли, что может произойти, когда лодка неожиданным образом отвязалась и начала уходить вглубь пруда. Когда я понял, что Аспазия уже не сможет вернуться на берег, сильно испугался. Я, было, кинулся к лодке, но она уже была так далеко от берега... а плавать я не умел... Что делать?.. Куда бежать?..

Аспазия не боялась и смотрела на меня, приятно улыбаясь своей безмятежной улыбкой. А я, похоже, испугался за двоих и сейчас стал её успокаивать:

– Успокойся и не двигайся, а то лодка перевернётся! Что же делать?! Если я побегу за взрослыми ты не испугаешься здесь одна?!

Её милая улыбка, которая не сходила с лица до этого момента, сменилась на удивление. Она стала осматриваться, начиная понимать, что оказалась в западне. Аспазия подошла к борту лодки, растерянно озираясь.

– Я побежал за взрослыми, а ты не двигайся! Не двигайся – хорошо?! – эмоции переполняли меня. Она закивала головой – моя нервозность передалась ей.

Я сделал рывок, думая кого бы быстрее позвать.

Пробежав несколько шагов я, словно почувствовав неладное, обернулся. То чего я больше всего боялся, я увидел воочию!.. Я увидел переворачивающуюся лодку, я побежал к берегу – ужас! Аспазия уже в воде – сейчас!!! Сейчас я подплыву к ней и спасу её!!! Но самое ужасное, что я не умею плавать!!! Я пытаюсь что-то кричать, но меня никто не слышит. Я бегу по берегу – маленький мальчик, который ничего не может сделать, именно это испугало меня больше всего.

Очень быстро тело маленькой девочки пошло ко дну. Я ещё раз кинулся в воду, но глубина пруда не позволила мне подойти близко к тому месту, где я увидел маленькие пузырьки.

Не знаю, сколько прошло времени – пузырьки на воде... перестали появляться. От безысходности я почувствовал невероятную тяжесть на душе. Мне захотелось броситься в воду и утонуть вместе с ней, но что-то тогда удержало меня. Я не плакал, но боль в душе была невыносимой... Страх и ужас охватил меня... Я будто падал в какую-то бездну в которой не было дна...

Каждую ночь после этого в те дни я видел сон... видел сны... сны о ней... и каждый раз я пытался спасти её, но не мог – и каждый раз я просыпался, переполненный эмоциями и самое сильное чувство, которое я испытывал каждый раз – это чувство безысходности.

Позднее я пытался забыть обо всём этом, а когда всё-таки память возвращала меня к этим событиям – сердце содрогалось от боли, как будто это было вчера.

Вышеописанное событие наложило неизгладимый отпечаток на моё сознание, и оно, возможно, даст вам возможность понять логику моих поступков в будущем. Конечно, я не сломался тогда, попытайтесь понять, я как бы отвердел, стал гораздо более сконцентрированным что ли, стал ярче воспринимать события, может быть, быстрее реагировать на всё.

В последующем моя жизнь была наполнена массой поступков, которые приносили мне победы, довольно много было и ошибок, не стану ничего приукрашивать. Но, возможно, так я

стремился реабилитировать себя в своих собственных глазах – побеждая своих врагов, я как бы старался вытащить маленькую Аспасию из пруда. После победы на некоторое время радость заполняла мою голову и отвлекала от грустных мыслей, которые иногда возвращались в мою голову, подгоняемые Мнемозиной (греческой богиней памяти).

Глава 3: Клеомен (беспощадность подростковая и не только)

Я лечу, лечу над полями, холмами и озёрами, медленно и плавно. Мне хорошо и приятно, я безмятежен и лёгок. Небольшой ветерок прибил меня к полю. Я пытаюсь пойти, но не могу. Я напрягаю ноги сильнее, но они словно приросли к земле. Что делать? Я оглядываюсь по сторонам – высоко в небе медленно плывёт несколько облаков. Почему-то они притягивают мой взгляд. Что это за облака? Облака медленно растворяются, и из них появляется силуэт. На эту тёмную фигуру постепенно падает свет. Кто это? О, это Великий Зевс! Бог всех богов, Великий Громовержец! Я в оцепенении открыл рот. Зевс выглядел огромным сильным с пышной бородой, в руке он держал копьё. Он шепчет. Но шепчет как-то громко, настолько, что отчётливо слышно каждое его слово:

– Александр! Ничего не бойся – я помогу тебе! Они хотят уничтожить тебя, но ты можешь верить мне...

Тут он исчез. Я услышал страшный рык собак. Я опускаю глаза и вижу, что со всех сторон на меня смотрят огненные глаза. Это глаза злобных мохнатых чёрных собак. Они со всех сторон. Они внимательно смотрят, медленно и плавно двигаются на меня. Откуда они здесь, ведь я же рядом с домом? Я всегда до этого был в безопасности – в реальной безопасности: сторожевых собак я всех знал, прислуга вся знакома мне, охранники тоже почти все состояли из родственников... А здесь... Что имел в виду Зевс? А собаки всё ближе и ближе. И вот они уже готовы сделать последний рывок... Я кричу что есть силы... Дальше темнота... Это был сон. Всего лишь сон... и я лежу в своей постели весь мокрый от страха. К чему этот сон? Может быть, кто-то мне так пытается помочь? Кто-то из умерших родственников? Может быть, сам бог богов решил покровительствовать мне? Не знаю... Но этот сон мне приснился как раз перед теми событиями, о которых пойдёт речь, поэтому я не мог не рассказать о нём. Простите за такую прелюдию...

Моя новая история необычна. Или скорее невероятна. В неё трудно поверить. Она не просто не вписывается в обычные рамки – на первый взгляд любой услышавший её сразу же скажет, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Я даже сам по прошествии какого-то времени иногда склонялся к мысли, что всё произошедшее не может быть правдой и это было некое дурное наваждение, или может быть кто-то мне рассказал эту историю, а я так проникся в неё, что стал воспринимать её как свою, как будто она произошла со мной, хотя я её всего лишь выслушал. Я даже не хотел о ней рассказывать, полагая, что никто в неё всё равно не поверит, но гораздо позднее что-то похожее из других мест и про других людей я удосужился услышать, и это сейчас не оставляет сомнений и придаёт мне уверенности с одной стороны в том, что моя история правда, а с другой – у меня появляется надежда, что и вы отбросите свой врождённый скептицизм и сможете поверить в неё, потому что каждый из вас имеет какой-то жизненный опыт за своими плечами и может что-то похожее уже слышал. Повторюсь – здесь в ней я не придумал ничего.

Немного отвлекусь от самой истории, чтобы объяснить, кем тогда я был и что меня окружало, чтобы вы поняли, как я её воспринимал и как я вообще всё воспринимал тогда.

Время, о котором пойдёт речь – это время, когда я был всего лишь сыном царской служанки и наложницы Олимпии. Дочерью Эпирского царя Нептолема она стала в последующих летописях, когда боги сообразовали сделать меня царём. У меня всё произошло абсолютно по-другому, чем у стандартных царей в стандартных условиях. Было бы нормально, если явля-

ясь сыном царя, человек по смерти своего отца, тоже вступал на престол, а не наоборот. Я же изначально был сыном служанки и когда её статус рос, он рос и у меня. То есть она из служанки стала наложницей, а это уже статус выше, после этого она стала женой царя, и мой статус вырос тоже. А после вступления на царский престол я приказал переписать летописи – это было сделано для того, чтобы я явился для всех человеком благородных кровей. Только после вступления на престол для всего мира я стал представителем царского рода и по отцу и по матери. Из всего вышесказанного читатель должен понять самое главное – я не считал себя кровным сыном царя Филиппа, точнее даже не так: я всегда сомневался в том, кто мой настоящий отец, хотя им мог быть и сам царь Филипп.

Как я уже сказал ранее, на самом деле Олимпия изначально была служанкой Филиппа. Даже имя у неё было другое – Миртала. Она хоть и была обычной служанкой, вела себя неподобающе самоуверенно. Должен сказать, что, несмотря на общую дикость нравов в Македонии, в повседневной жизни к женщине здесь относились как к равной мужчине. Это общая черта той части греков, которые произошли от дорийских племён. Возможно, когда-то гораздо ранее тех времён, о которых я сейчас рассказываю из дорийских племён, появились такие женщины воительницы как амазонки. У македонцев женщины также как мужчины проходили свои физические тренировки и несколько раз в году у них проходили свои, отдельные от мужчин, соревнования на силу и выносливость. Кроме македонцев к дорийцам относились также спартанцы, коринфяне и некоторые другие мелкие народы. Они отличались от тех же афинян и некоторых других, где, несмотря на достаточно высокий уровень культуры, женщины были затворницами, им запрещалось ходить на любые общественные мероприятия и они не имели права иметь свою собственность. Правда, тут нужно отметить, что политических прав женщины не имели тогда нигде – ни в Македонии, ни, скажем, в Эпире (они не участвовали в политических голосованиях и не обсуждении государственных дел), но элементарные права в остальном у них не отличались от мужских.

Итак, Олимпия была инородкой из Эпира, и это делало её ещё ниже рангом. Но она была очень честолюбива и активна. К моему сожалению, в плане мужчин она также была активна. Их у неё было немало и это тоже не запрещали македонские обычаи. Хотя, когда она уже стала женой Филиппа, она публично всячески показывала свою преданность своему мужу, но до этого её благопристойность у всех вызывала сомнения. Олимпия могла сама себе выбирать мужчин и мужей. По обычаям македонцев мужей у женщины могло быть несколько, если остальные мужья соглашались с такими условиями. Возможно, это покажется невероятным, но тут женщины выравнивались в правах с мужчинами – если есть желание и возможности, то в амурных делах у них была полная свобода. То есть Олимпия вела себя как типичная женщина-македонянка, уважение окружающих от этого она не теряла. Но она кроме этого ещё всеми способами пыталась влезть в политическую жизнь. Ей нужна была власть.

Могу сказать, что число мужчин моей матери не знает никто. Даже, наверное, она сама. Весёлые пирушки она любила, как любили их и те мужчины, с которыми она веселилась. А пирушек (оргий) у греков (и не только македонцев) было много всегда. Они проводились по праздникам богов, после походов, да и просто после тяжёлых тренировок. На этих празднествах Олимпия заводила нужные знакомства и приобретала влияние. Кроме этого моя мать была менадой (служительницей культа бога Диониса). Даже больше, верховной жрицей менад и это тоже работало на её авторитет среди македонской аристократии. Так что её вес при дворе постоянно рос.

Жизнь греков в быту резко отличалась от современной жизни. Мелкие пирушки и большие пиршества, театральные представления и спортивные соревнования заменяли древнему человеку то, что сейчас вам даёт ваш мир: телевизор и смартфон, компьютер и кинотеатр. Люди нашей эпохи больше общались друг с другом, иногда воевали, умирали от бесконечных болезней и поэтому очень ценили жизнь. Вино, танцы, соревнования и любовь – всё это было

необходимо грекам в их короткую жизнь. Они стремились максимально получить от жизни всё, что возможно, и было смыслом их существования. Олимпия делала то же самое. Поэтому неудивительно, что я до сих пор не уверен в том, что я действительно сын Филиппа. Моим отцом мог быть даже при беглом рассмотрении примерно человек десять – здесь были охранники, гетайры, знатные аристократы.

Когда Филипп умудрился захватить власть в Македонии, моя мать, желая стать более влиятельной, публично заявляла, что я, Александр, являюсь его сыном и наследником. Сам он, тоже не был эталоном честности, а узурпировал царскую власть, то есть незаконно захватил её. Но македонская армия одобрила его на царство, и это решило его судьбу.

Но вернусь к Олимпии. Сначала Филиппа забавляло рвение Олимпии, доказывать его отцовство надо мной – кто не стремится быть самым плодовитым. Позже требования Олимпии признать меня – Александра, наследником престола стали его напрягать. Иногда в порыве гнева он угрожал казнить и её, и меня. В целом царь был образцом вспыльчивости и необузданности, однако он быстро отходил и старался не доводить дело до крайности, заботясь о своих людях. Чужих же он не считал за людей, бесцеремонно всех обманывая и чиня над ними расправы.

Кто-то сказал: «Не бывает плохих времён, бывают плохие люди». Соперничество, зависть и злоба существуют всегда и если их нечем остановить, они набирают силу, и вот тогда здравый смысл отходит на второй план, а жажда победить врага становится главной задачей. По этим законам как раз и жил Филипп, но я чуть-чуть забежал вперёд.

В это смутное жестокое время любому из людей приходилось бороться за более или менее достойную жизнь. Филипп был не исключением. Как раз наоборот – у него бороться и побеждать получалось лучше других. Когда он отобрал власть у малолетнего наследника (своего племянника), то он уже не собирался отдавать её никому. Всем известно, что македонская фаланга и невероятный политический напор царя намного увеличили границы Македонии. Его уважали, боялись и хотели быть с ним в хороших отношениях. Его любили боги – в этом я вижу главную причину его успеха. Присоединение земель к Македонии при нём было делом постоянным. Политические союзы греческих полисов, которые поддерживали относительную самостоятельность каждого из них на протяжении нескольких столетий, теперь оказались бессильны – армия Филиппа крушила всех противников вокруг.

Однако мои отступления закончились, и я подхожу к самому рассказу. Однажды, находясь во Фракии, царь получил возможность встретиться с известным местным жрецом Филаргом. Этого жреца знали все в округе и ходили к нему за помощью для решения самых разных проблем. Он никому, как правило, не отказывал, а на него никто никогда не обижался, если он предскажет что-то «неприятное». Люди понимали, что он не лукавит – говорит, что видит. Этот жрец предсказал царю Филиппу смерть от руки человека, которого он будет называть своим сыном. Филипп всегда с недоверием относился к предсказаниям, а после такого пророчества просто пришёл в ярость, он взял жреца под стражу и увёз к себе во дворец, причём вместе с семьёй. После того как он привёз его в Македонию, свидетели утверждают, что он сначала приказал: «Укажи конкретно, кто меня убьёт – ткни пальцем! Все мои дети здесь, во дворце!» Филарг ответил, что не может этого сделать. Тогда, неудовлетворённый ответом и разгорячённый вином, он спросил у Филарга: «Как ты сам умрёшь?» Филарг ответил, что как умрёт он сам, он не знает, но за свою смерть он обязательно отомстит. Это ещё больше разозлило царя.

Филипп велел вырыть очень глубокую яму, посадил туда трёх огромных и свирепых собак. Подвесил пятнадцатилетнего сына Филарга за пояс над ямой. Ниже на этой же верёвке он подвесил самого жреца, при этом Филипп дал сыну нож. Царь сказал, что сбросит обоих в яму, если сын не обрежет верёвку под собой. Тот долго сомневался, поэтому люди Филиппа стали тыкать в парня раскалёнными прутами. Сын Филарга не выдержал и обрезал верёвку – несчастный отец упал в яму, где его и загрызли собаки. После этого царь приказал сбросить и

сына в яму. Всё это происходило в присутствии жены и оставшихся двух детей Филарга, которых царь приказал специально привести, чтобы они посмотрели на это зрелище. После чего он их отпустил домой во Фракию. Я уверен – они рассказали всем о произошедшем. После того, как страшные собаки наелись мяса этих двоих, яма была засыпана землёй. Собаки были погребены заживо.

Филипп и до этого всячески показывал свою силу и властный характер, и в этом случае он повёл себя также. Ужасных событий, связанных с его участием было много. Может быть, так он и сумел заслужить уважение и страх своих врагов. Его побаивались и скифы, и греки, и иллирийцы – он умел разобраться со всеми. Но в этом случае, мне кажется, он перешагнул какую-то черту.

Расправа над жрецом, даже учитывая то дикое время, тем не менее, была поступком очень жестоким. Так или иначе, обо всём этом узнали все приближённые Филиппа, да собственно и все остальные, при этом он запретил под страхом смерти упоминать об этой расправе, видимо сожалея о случившемся.

Эта история никак не красит Филиппа. Неудивительно, что он запрещал говорить о ней всем, кто о ней знал. А те из гостей, кто сомневался и не дай бог спрашивал об этом Филиппа, те получали ответ хмурого самодержца Македонии, что это сплетни злых врагов его.

Думаю, вообще ни один наш поступок никогда не проходит без последствий. Это доказывают последующие события.

Мрачное и необъяснимое что-то стало происходить с местом захоронения того жреца. Место это примыкало к главному дворцу, где мы тогда жили. Сам царь часто отлучался в походы и по другим делам, и его мало интересовали эти события. Во дворце был длинный коридор, проходивший через весь дворец. Со стороны того жуткого места во дворце стали происходить необъяснимые события. Сначала утром был найден мёртвым молодой слуга у себя в постели. Его тело было разорвано на части, часть тела как будто была съедена.

Вокруг дворца на привязи находились собаки. По ночам они стали приходить в иступление, то рваться с цепи, то прятаться в свои будки. Две собаки были привязаны с улицы возле комнаты умерщвлённого слуги. На вторую ночь они были найдены разорванными возле своих будок. А когда произошло ещё несколько убийств, всем во дворце стало ясно, что в городе или в самом дворце завёлся маньяк-людоед.

На тот момент мне, Александру, было тринадцать лет. Моё родство с Филиппом не рассматривалось либо ставилось под сомнение всеми – даже, наверное, не под сомнение, а скорее высказывания моей матери оставались без внимания, впрочем, может быть, кто-то в них верил. Олимпия публично клялась, что я незаконнорождённый, но самый преданный и лучший из всех детей Филиппа. Сам же Филипп не был в этом уверен и считал, что Олимпия назвала бы отцом любого, кто в этот момент является царём.

Одним из своих наследников он считал пятнадцатилетнего Клеомена. Это был сын одной из его многочисленных жён, крепкий и по-мужски обаятельный шатен. А если коротко – он был самодовольный, неприятный и лживый тип. Он воспитывался при дворе, как и я, при этом науки ему давались легко. Думаю, гораздо легче, чем мне. Но Клеомен не любил, ни науки, ни физическую культуру, всегда ходил с несколькими друзьями, и задира и унижал всех сверстников. За месяц до описываемого события он вступил в единоборство со сверстником по имени Порфирий и проиграл ему. Это так разозлило Клеомена, что он решил расправиться с парнем. Нормальный парень стал бы больше тренироваться, но не Клеомен. Вместе со своими друзьями он стал запугивать Порфирия. Затем они выследили ничего не подозревающего юношу и так избили, что тот не выдержал побоев и погиб на месте. А тело его бросили в реку с камнем на шее. Конечно, Клеомен запретил своим парням говорить об этой истории и сам не сознавался в том, что это его рук дело. Пропажу подростка быстро заметили. Убийством

стал заниматься начальник охраны, но за отсутствием каких либо свидетелей, дело закрыли. Но, тем не менее, эта история стала известна мне, проболтались приятели Клеомена.

Задирали он также и меня. Тут не было соперничества как к наследнику царского престола, видимо потому что он не видел во мне такового – это просто было его обычное поведение по отношению к остальным подросткам. Однако его природное высокомерие и развязность добивали и меня. В дальнейшем возможно и я бы оказался на месте того несчастного Порфирия если бы не события, о которых я расскажу сейчас.

Зловещие слухи о ночных смертях не давали покоя никому. Царь находился на тот момент далеко по своим военным делам. А принять какое-либо серьёзное решение не мог никто. Все были в страхе. Вместо того чтобы спать по ночам люди в ужасе ждали утра. А чтобы было спокойнее, из рук они не выпускали мечи и кинжалы.

Начальник охраны провёл ночные рейды по опасным местам вокруг дворца, но ничего не нашёл. Он опросил всех в поисках подозрительных лиц, но результатов никаких.

Все стали каждый день обсуждать происходящее по ночам. Кто-то предлагал начать патрулировать территорию в тёмное время суток. Как-то так получилось, что я стал довольно часто сталкиваться с Клеоменом. То ему понадобится лекция учителя философии, то он предложит новый авлос (язычковый духовой инструмент похожий на соединённые между собой дудочки), за деньги разумеется. Дело в том, что я учился играть на разных музыкальных инструментах – все знатные подростки в наше время осваивали хоть какой-нибудь инструмент. Мне нравились духовые, при этом я частенько выступал на разных музыкальных конкурсах, а иногда и выигрывал что-то. Так вот, стали мы видеться с Клеоменом довольно часто, что меня не особо радовало. А тут, желая провести своё собственное расследование над тем, что же творится на самом деле, Клеомен неожиданным образом предложил мне тайком пробраться ночью в это крыло дворца – туда, где как он предполагал, был эпицентр этих необъяснимых событий. Мне он объяснил так:

– Ты смелый парень и не побоишься тех глупостей, которые там творятся. Скорее всего, кто-то из слуг «слетел с катушек» – сошёл с ума и встаёт по ночам, чтобы кого-нибудь погромасать, может быть даже и не со злого умысла, а из-за умопомешательства. Мы выследим этого чокнутого, и если будет нужно, обезвредим его, чем заслужим уважение всех во дворце, в городе, и когда об этом узнает наш царь отец, он станет уважать нас и может быть доверит отряд, армию или полк! Здорово?! Завоем авторитет среди всех?! Ведь нам уже пора делать себе имя! Ты согласен?

«Наш царь отец(?)» Тогда мне показалось странным именно то, что он назвал царя Филиппа «нашим отцом», ведь его родственники Линкестиды тогда отвергали моё с ними родство.

– Сначала отряд, затем полк, потом армия – так мы сможем дослужиться до самых высот. Тогда мы по-настоящему полностью сможем наслаждаться всеми благами знатного человека!

– Ну... хорошо. Только давай не сегодня ночью. Скажем завтра-послезавтра...

В его словах чувствовались какие-то нестыковки, но я тогда ещё не понимал, что именно творится в его голове и мне, во чтобы то, ни стало, хотелось это узнать.

До этого момента я знал, что Клеомен избавился ещё и (кроме Порфирия) от своего брата-претендента на царский трон. Парень двадцати лет по имени Мегакл был очень успешным во всём и подающим надежды. Он был силен физически и самое главное очень умен. Филипп прочил ему место в среде офицерского состава, но всё закончилось плохо. Клеомен умудрился напроситься на нередкую в наши дни оргию и подлил бедному парню какой-то жидкости в вино, так что тот умер в ужасных муках, катаясь по земле несколько дней. Что именно подлил Клеомен неизвестно никому – это знание ушло вместе с ним. Сам я случайно подслушал его разговор с начальником гетайров Зопирионом, который, судя по всему, и был заказчиком убийства. В-целом, все эти события характеризуют Клеомена как очень хитрого и без-

жалостного юношу. Зная, с кем я имею дело, я и не мечтал, что тоже являюсь претендентом на престол. Даже если бы меня спросили, хочу ли я в ущерб Клеомену стать царём, я бы ответил отрицательно, так как знал, на что тот способен и насколько он умен и хитёр.

На самом деле и я был не так прост уже тогда.

За неделю до этого я пару раз выходил со своим хорошим другом по имени Тисандр погулять ночью, посмотреть, что творится вокруг. Ходили мы и на место расправы над фракийским жрецом, чтобы осмотреть его, понять, где всё происходило и послушать, не слышно ли чего. Мы ничего не нашли и никого не увидели. Но теперь я загорелся, во что бы то, ни стало, раскрыть эти убийства до ночной прогулки с Клеоменом. Уж очень меня пугала перспектива подружиться с ним – «никогда не ставь свою безопасность в зависимость от благородства ничтожного человека» – учил нас наш преподаватель по философии Евфимий. А опасность от Клеомена исходила, несмотря на его обаятельную улыбку, совершенно недвусмысленная. Я просто хотел сделать очередную встречу с Клеоменом абсолютно ненужной, заранее проделав всевозможную работу по поиску маньяка. Уж очень мне не хотелось бегать по ночам с Клеоменом и выслушивать его логические умозаключения, которыми он так и брызгал во все стороны, считая себя очень умным и талантливым. Поэтому в этот раз я решил в третий раз вместе с Тисандром исследовать местность и провести всю ночь, если потребуется, но всё-таки выследить маньяка-убийцу и предоставить всю информацию начальнику охраны. А тот уже сам сможет его арестовать (напомню, нам с Тисандром было тогда всего по тринадцать лет, и Гераклом не был не я, не он). А Клеомену, повторюсь, кто не запомнил, было уже пятнадцать лет, и сил у него было гораздо больше, чем у меня.

Перед этими событиями царь Филипп приказал обнести частоколом место, где он расправился с Филаргом. Это был высокий деревянный, чуть ли не в два человеческих роста, забор. Этим он хотел похоронить все разговоры о неприятном для него воспоминании. Видимо, что-то человеческое в нём всё-таки было.

Частокол примыкал к дворцу с заднего входа. Сам вход он приказал наглухо запереть, при этом у частокола ворот не было, видимо царь не желал, чтобы туда кто-нибудь заходил.

Что рядом с частоколом находится эпицентр всех преступлений, я до разговора с Клеоменом не подозревал. Обычно до этого по ночам мы обходили окрестности, но не смотрели, что находится за высоким забором. После разговора с Клеоменом я заинтересовался этим местом.

Итак, мы вдвоём с Тисандром, как только стемнело, отправились, как говорится в темноту – не случится ли чего-нибудь неожиданного внутри этого частокола.

Нужно было выбрать безопасное место для наблюдения. Деревьев за забором не было, чтобы можно было расположиться выше него и наблюдать за происходящим, поэтому мы взяли по овечьей шкуре, водрузили их поверх частокола, сели на них и стали ждать. Было очень темно. Перед этим прошёл дождь, и тучи ещё не ушли. Они полностью закрывали луну и звёзды.

Тисандр, несмотря на то, что было совсем неудобно, умудрился задремать на частоколе.

Я бодрствовал, так как было прохладно и становилось, несмотря на лето всё холоднее и холоднее.

Наши ожидания оправдались, если можно так сказать о том, что произошло дальше. Ждать пришлось совсем недолго. То, что произошло потом, потрясло меня до глубины души. Ещё раз повторю – любой из вас вряд ли поверит в то, что я тогда увидел. Человеческий мозг вообще не склонен доверять другому мозгу и чужим глазам. Нам всем хочется самим увидеть что-то необъяснимое, а не верить на слово.

Подул пронизывающий ветер. Неожиданно, я скорее почувствовал, чем услышал тихий стук, похожий на стук в деревянную дверь. Постепенно он становился всё громче. Я глянул на Тисандра – может он тоже слышит? Тисандр дремал. Чтобы его толкнуть, нужно было подползти по забору совсем чуть-чуть. Но ноги у меня затекли, руки тоже плохо слушались. Мысли

забегали у меня в голове. Но может это ничего особенного? Может это полевая мышь грызёт забор или ещё что-нибудь? Нельзя быть таким трусливым! Нет, я не струсил, разумеется, но сильно напрягся. Так сильно, что слышал, как стучит моё сердце.

Внезапно, как будто из ниоткуда, из-под земли вырос жёлтый слегка светящийся силуэт. Это был силуэт мужчины, он как будто озирался. Он прислушивался и смотрел по сторонам.

В тот момент я уже плохо понимал, что делаю. Точнее я просто не знал, что нужно делать – бежать или остаться. Хотелось увидеть, что произойдёт дальше. Стало совсем холодно – меня даже начало потряхивать. Я прошептал в сторону друга:

– Тисандр! – он, кажется, стал выходить из дремоты. И тут мы оба услышали шипяще-скрежещущий голос.

– Филипп! Филипп ты где?! – я понял, что речь шла о царе – царе Филиппе.

– Филипп я найду тебя! Я найду и убью тебя!

Казалось, призрак что-то услышал.

От неожиданности Тисандр дёрнулся и соскользнул вместе со шкурой вниз на землю, он оказался внутри частокола. Всем этим он произвёл некоторый шум. Призрак посмотрел в нашу сторону, и я увидел одновременно прозрачные и горящие глаза. Я не мог поверить, что это всё не сон. Чувства обострились до предела. Если это не сон, то я просто начинаю сходить с ума!

– Филипп! Ты от меня не уйдёшь! – в этот момент три огромные собаки выскочили из-под земли и с невероятным рычанием бросились в сторону Тисандра.

– Прыгай на забор! – крикнул я. Мне и в голову не могло прийти, что всё это может закончиться чей-то смертью. Вместо того чтобы попытаться запрыгнуть на забор или броситься бежать сломя голову, Тисандр остановился и стал вглядываться в сторону светящихся объектов. В следующий миг одновременно все три собаки сбили его с ног. Я уже было хотел прыгнуть в сторону собак, но понял, что не вооружён ничем. Хотя, в сапоге я нащупал нож. Я стал торопиться, чтобы вытащить его из ножных и когда уже вытащил, то в спешке случайно выронил его за забор – теперь у меня не было ничего. Да и как можно убить собак-призраков? С другой стороны, как прозрачные собаки могут причинить вред Тисандру?

Сразу, как только я подумал об этом – я увидел, что собаки уже разорвали Тисандра и не в воображении, а наяву. Прозвучал негромкий всхлип, и едва заметный короткий стон.

Огненная фигура человека-призрака приближалась к растерзанному телу. Теперь он уже смотрит на меня своими сверкающими глазами. Его страшный и сверлящий взгляд – тогда я видел только его. Я приподнялся на частоколе – но что это? – Страшные зубы просверкали перед моим лицом. Это зубы одной из собак. Она прыгнула вверх – прямо мне в лицо. Ужасный крик услышал я, но кто это кричит – это... я!!!

От невероятности ситуации я, кажется, обезумел. Спрыгнув с частокола с другой стороны, я бросился бежать к караульным дворца.

Я прибежал к охране и заорал:

– Там Тисандр убит!

Охранники спросонья выслушали меня недоверчиво, и пошли со мной. Пять охранников с факелами пришли к частоколу, куда я их привёл.

– Ну и что? Где мёртвый?

– За забором.

– Филипп приказал нам туда не соваться. Даже не знаю, что делать, – охранники были озадачены. Они прошли вдоль частокола.

– Частокол не повреждён, ну давай глянем что внутри.

Один из них встал на плечи другому.

– Тут ничего не видно, очень темно. Давай утром будем разбираться – сейчас мы всё равно ничего не найдём. Так ты говоришь, кто его убил?

– Не знаю, что и сказать – это было... – я не знал, как объяснить, чтобы это выглядело правдоподобно: – Мой друг перелез забор, а я нет... Мы хотели выяснить, кто не спит по ночам, ходит и убивает всех подряд... Он перелез... там был какой-то шум... Что-то там произошло... я не видел, но что-то там с ним случилось, потому что он назад не вернулся...

Утром охрана нашла труп Тисандра, он был весь в рваных ранах. Не стану скрывать – охранники посмотрели на меня с некоторым подозрением, расспросили ещё раз, но ничего не сказали.

Днём, на занятиях по физической культуре я встретил Клеомена:

– Ну что сегодня ночью идём ловить маньяка-извращенца! – Клеомен растянул рот в лучезарной улыбке. Я не мог понять, что ему нужно, неужели он сможет справиться с призраком и его собаками? Он сам не знает, что предлагает! Но что я мог сказать ему?..

Я был под впечатлением от бессонной ночи и возможно выглядел немного напряжённым. Теперь предложение Клеомена звучало как самоубийство, но я ему ничего не сказал о моих ночных зловключениях и всё равно согласился.

Итак, нам предстояло встретиться с ним в полночь. Я поднялся с постели, как стемнело, вооружился копьём и пошёл незаметно от охраны к злосчастному частоколу. Ночь стояла на удивление светлая, веял лёгкий свежий ветерок, я дошёл до того самого частокола и стал прислушиваться к темноте. Ждать долго не пришлось – очень скоро послышался шум травы и хруст в темноте. По силуэту я понял, что ко мне приближается Клеомен. Мне показалось, что в этой темноте есть ещё кто-то. Но кто?..

Подходя к Клеомену, я услышал:

– Иди сюда это я, – Клеомен опять сладко улыбался, по-крайней мере мне так показалось в полутьме: – Вот здесь мы и будем отслеживать того маньяка-убийцу, который наводит ужас на спокойное и мирное население нашего двorca.

– Я уверен, что маньяк должен находиться там, – я указал внутрь частокола: – пошли лучше перелезем.

– Так говоришь, он орудует внутри ограждения? Хорошо! Тогда мы перелезем туда и выследим его изнутри, – лёгкая усмешка слегка скользнула на лице моего спутника.

Он помог мне перелезть – конечно, помня вчерашнюю ночь, я не на шутку испугался, но сдержал себя. Мои подозрения насчёт замыслов Клеомена меня тоже настораживали. При этом я остался без своего копья, пока перелезал забор. Смешанные чувства стали терзать меня в те секунды – особенно когда Клеомен перелез без моего оружия, но при этом он и свой топорик оставил за забором. Я начал испытывать необъяснимое чувство присутствия кого-то ещё кроме нас двоих. Я посмотрел туда, где вчера видел призрака с собаками – нет, их пока нет. Я стал вслушиваться в темноту. Мне показалось что-то... Может быть, это были едва уловимые тени где-то сбоку или сзади, или что-то ещё... Становилось жутко и мрачно, но я собрался:

– А где же моё копье и твой топор?

– Мой топор? Ах да! – тут Клеомен свистнул и из-за ограды прилетел его топор.

– Вот так! – Клеомен улыбнулся теперь уже дьявольской ухмылкой: – Мои друзья помогли мне с топориком. Молодец Килон! Это Килон, ты его знаешь, он предан мне и поэтому всегда помогает. А теперь мы спокойно сможем убить убийцу-психа.

Он медленно двигался ко мне, перебирая в руках топор. Сомнения, что он всё-таки хочет убить меня и так не покидали меня ни на секунду, но тут развязка казалась близкой.

– Можно мне получить моё копье? Ведь там есть кому перекинуть, – я всё ещё лелеял надежду, что цель убийства – это не моя персона.

– Я бы приказал им кинуть копье, если бы не был уверен, что убийца – ты! Давай рассказывай, как ты убил их всех или ты будешь говорить, что это сделал кто-то другой?!

– Да... это... я! – я сделал неожиданный ход даже для самого себя. Но мне так хотелось жить, что мысли пульсировали одна за другой. И я решил зацепиться за высказанное им поже-

ление услышать, как я убивал всех этих людей, чтобы потянуть время... Я говорил, говорил... А призрак фракийца так и не появлялся...

Должен отметить, что перейдя внутрь частокола, я почувствовал какой-то едва уловимый шум откуда-то из-под земли. Какой-то гул или протяжный вой, или всё вместе, а, впрочем, может быть, всё это мне показалось. Может то был мой страх, основанный на вчерашних впечатлениях и ничего более.

Дальше события разворачивались следующим образом. Я начал на ходу сочинять кровавые истории, как я убивал одного за другим, как я постепенно сходил с ума от жажды крови, как я решил попробовать сырого мяса, убитых мной и мне понравилось. Вкусно ли человеческое мясо? Оно похоже... на сырую свинину, политую мёдом... Врать, так врать! Мой оппонент (не знаю, как его сейчас назвать попроще) слушал меня (возможно даже поверил), а его друзья ждали за оградой, когда это всё закончится. К известным убийствам я придумал ещё с десяток вымышленных, «о которых никто не знает», чтобы потянуть время. Я рассказал о том, что чтобы скрыть эти преступления я закапывал трупы в разных местах. Где закапывал? Я могу показать – в лесу, на поляне и так далее. Вы даже и представить себе не можете, как искусно работает воображение, когда ты чувствуешь, что твоя смерть близка.

Откуда ни возьмись, подул резкий холодный даже ледяной ветер. Я зажмурился, а когда открыл глаза, то вздрогнул.

В центре огражденной территории стояла фигура человека. То есть это был тот самый полупрозрачный образ мужчины огненно-жёлтого цвета. Я понял, что это опять пришёл он, призрак жреца Филарга. Вспомнив разорванный труп своего друга, я пришёл в лёгкий ужас, ведь сейчас я был в опасной близости от него и на его территории.

Клеомен пристально смотрел на меня и не заметил призрака. Наконец, он понял, что я за всё это время не сказал ни слова правды:

– Так ты врёшь гад!!! – интонация в голосе показала его ярость и злобу.

– Ух ты е..! Смотри, – сказал я, когда уставший от моих рассказов, Клеомен уже было сделал замах топором, чтобы одним ударом пробить мне голову, но он всё же повернул голову, чтобы посмотреть туда – куда я указал пальцем.

Мстительный потомок Филиппа остановил свою расправу, его действительно заинтересовало увиденное. Фигура призрака не двигалась. Какое-то время Клеомен не понял, что увидел. Он в угрожающей позе с топором стал медленно двигаться в сторону призрака. Он пытался рассмотреть и понять, что он видит.

– Филипп... – прохрипела фигура фантома.

– Эй, парни! Все сюда! – обернувшись, крикнул Клеомен в темноту. Из-за ограды стали появляться фигуры его друзей – очень быстро вся его банда из семи человек уже оказалась внутри частокола. Кто-то из них нёс зажжённые факелы. Все они были вооружены – дротики, копья и мечи говорили сами за себя – они пришли убивать. Сейчас они тоже видели призрака и хотели подойти поближе, чтобы рассмотреть незнакомую личность.

– Кто это? Во дворце такого нет? Кто это Клеомен? – юноши были решительно настроены, но не знали как вести себя с незнакомцем.

– Сейчас мы это выясним! – Клеомен не верил в призраков, ему казалось, что это мой знакомый. Он обратился ко мне:

– Это что, твой друг? Почему он такой... ненормальный?..

– Нет, я вижу его впервые...

– Парни! Давай схватим его – он тоже какой-то подозрительный, – он указал в сторону огненной фигуры.

Парни поставили свои факелы к забору, обнажили свои мечи, подняли копья и стали приближаться к светящемуся силуэту.

Я услышал вой собак, одновременно какие-то непонятные тени стали двигаться со всех сторон. От страха, я помню, что волосы на моей голове начали шевелиться. Чёрная волна туч стала двигаться по небу. У простого человека от страха, возможно, отнялись бы ноги, но я понял, что появилась возможность убежать. Я сделал прыжок, но ограда была слишком высокая, и я упал на землю. Клеомен обернулся, он понял, что я хочу перепрыгнуть забор и бежать.

– Далеко не убежишь! Схватим и убьём твоего друга, затем убьём тебя!

Он решил быстрее покончить с призраком, впрочем, видимо он не верил, что имеет дело с призраком:

– Кто ты скажи перед своей смертью! – он обратился к призраку, фантом что-то шипел.

После этого с диким рычанием из-под земли выскочили три огромные собаки и с ходу стали валить с ног этих недоверчивых головорезов.

Собрав все силы я попытался допрыгнуть до края забора, но у меня ничего не получалось, шансы спастись стали таять на глазах. Собаки уже разорвали нескольких из друзей Клеомена, а я всё ещё был здесь. Уцелевшие от первых атак псов-призраков юноши стали разбегаться в разные стороны. Они, как и я кидались на забор, но страшные животные и здесь настигали их и оттаскивали от забора. Крики и стоны умирающих, хрип призрака и рык собак – всё смешалось в тот момент. Ко всему этому от неудачно поставленных под забором факелов начался пожар – забор загорелся.

У меня была ещё секунда, чтобы собрать силы в кулак и перелезть ограду. Я сделал очередную попытку и – о счастье! – я одной рукой ухватился за забор. Рука оказалась зажата между досками, но я, преодолевая боль, потянулся вверх и ухватился второй рукой. Собаки разорвали всех и были уже у меня под ногами, я чувствовал их дыхание. Я оглянулся – призрак приближался ко мне. Оставшись совсем без сил, не знаю как, я запрыгнул на частокол. В этот момент забор обдуваемый ветром запылал с новой силой – моя одежда загорелась. Я спрыгнул на противоположную сторону и бросился бежать. Одежду я быстро потушил – это меня пугало меньше всего – сейчас я боялся призраков-монстров.

Немыслимо! Но собаки прошли сквозь забор насквозь и устремились догонять меня. Я понял, что ещё ничего не закончилось, и кинулся бежать изо всех сил по полю подальше от этого злополучного места. Какое-то время я слышал дыхание собак за спиной, и старался бежать как можно быстрее, я боялся обернуться, я не хотел замедлить свой бег, чтобы не дать злобным псам шанса как-нибудь зацепить себя, а потом звуки за спиной неожиданно исчезли, я стал бежать тише и тише. Я обернулся: собаки стали отставать, а потом и вовсе исчезли где-то в темноте. Что это? Они стали невидимыми или действительно ушли туда, откуда пришли? Что делать? Я уже не слышал и не видел ничего, но мне хотелось бежать – бежать подальше отсюда. Потом я понял, что убежал уже достаточно далеко. Вокруг был лес, какие-то кустарники, небо стало чистым и на нём появились звёзды. Я стал понемногу успокаиваться и понял, что пора возвращаться.

Потом, ближе к утру я вернулся. Ещё издали я увидел огромное зарево. Но это было не из-за солнца – это был огонь. Горел наш огромный дворец. Все люди, жившие в нём повыскакивали, и теперь стояли, и задумчиво смотрели на огонь. Огонь был так силен, что никто не пытался его тушить. В огне сгорело всё, крыша, стены, а также тот самый частокол, в котором произошли описанные события.

В дальнейшем мы все переехали на другое место жительства. И я стал понемногу успокаиваться и забывать о тех событиях, будто их и не было никогда.

С высоты прошедшего времени, я готов со всей ответственностью заявить – в тот момент, когда Клеомен решил расправиться со мной, он уже тогда потерпел поражение. Боги, я просто уверен в том, отвернулись от него, он был слишком плохим человеком, чтобы получить возможность победить меня. Как говорил наш преподаватель Теофраст: «Все злые поступки

совершённые вами, обязательно вернутся к вам, даже если вы умрёте, зло придёт к вашим детям».

Если говорить о призраке жреца и его собаках, то в дальнейшем я о них ничего не слышал. Возможно, они ещё и появляются там по ночам до сих пор, но мне о них ничего неизвестно. Царь Филипп перенёс свою главную резиденцию в более крупный дворец, он забрал с собой и всех нас. И никто уже не вспоминал о том, что был когда-то такой провидец по имени Филарг, и что царь Филипп разгневался на него и казнил. А я в дальнейшем никогда не упоминал об этой истории, не желая навлечь на себя сомнения в моём рассудке. Про смерть Клеомена я также никогда ничего не рассказывал, давая пищу слухам и кривотолкам, но это для меня было гораздо проще, чем поведать о том, что произошло на самом деле. Впоследствии самого Клеомена никто уже не вспоминал, летописцы о нём не успели ничего записать, и имя его кануло в лету.

Глава 4: Набег (есть ли у меня шанс?)

4.1. Введение

Я, Александр Македонский, царь царей, правитель Запада и Востока ну и так далее... хочу рассказать вам ещё об одном случае в моей жизни. Об этой истории никто не знал даже тогда, когда она произошла. Так случилось, что все участники её либо были убиты тогда же, либо погибли впоследствии по разным причинам – такова судьба всех воинов, участвовать в том, в чём обычный мирный человек участвовать не сможет, да и не станет. А все участники этой истории были воинами, профессией которых было участие во всех военных операциях своей страны. Поэтому ранняя смерть их – дело вполне нормальное, и рассказать они ничего не успели. Так что о ней не знает совершенно никто, и не знал в ту пору. Просто рассказывать было некому и записывать не из чьих уст. А я о ней тоже не рассказывал никому, желая забыть всё как можно быстрее. Эта история, как и предыдущие, существенно повлияла на меня, на моё сознание и мировосприятие. Я получил определённый урок жизни. Скажу больше, этот урок стал рубежом, который я перешёл. Я превратился в другого Александра. Того, о котором в будущем скажут «Великий». Именно тогда были брошены зёрна, которые в дальнейшем дали свои всходы.

4.2. «Простое задание»

Немного фантазии...

Я иду по длинному тёмному коридору – слева и справа двери, но я знаю – они не открываются, выход только там... впереди. Я иду – иду долго, очень долго. Я уже сам не верю в то, что выход впереди. Теперь я толкаю все двери, которые мне встречаются, но как я и думал – они не поддаются. Я толкаю даже стены, поворачиваюсь назад – там уже не видно входа, я так далеко прошёл. Что же делать?! Идти вперёд – в неизвестность и пустоту? Или может вернуться назад, туда, что исчезло далеко сзади? Куда, может быть, нет возврата. А сзади крошечная тьма – впереди немного светлее. Что ближе, вход позади или выход впереди? Не знаю, но начинаю бежать. Вперёд, конечно вперёд! Какой длинный коридор! Какой огромный дворец! Я бегу, бегу всё быстрее и быстрее. Неожиданно я споткнулся обо что-то и упал. Что здесь может быть на полу? Я медленно встал, глянул на пол – на нём ничего нет. Я посмотрел вперёд – там, где должен быть выход просто стена. Выхода нет?! Я проделал путь в никуда! Я с разбега бросился на эту стену, желая её пробить – удар – меня отбросило. Тут я проснулся от невероятной боли. О...х!.. У...х! Неужели это был такой сон?! Почему всё болит?! Особенно шея и голова... Нет, на этот раз это не сон – я участвовал в ристалищах (гонках на колесницах), колесо наско-

чило на камень и я, вылетев из колесницы, неудачно упал и ударился головой о землю. При этом я потерял сознание, и почему-то мне очень ярко пришло это видение. Не знаю, к чему оно было, но я его запомнил и решил сейчас озвучить.

Да, в наши дни все знатные греки участвовали в самых разных состязаниях. Всем хотелось показать свою силу, выносливость, упорство, ну хоть как-нибудь отличиться – показать, что ты лучший, не такой как все, необычный, если кто был слаб физически, то осваивал музыкальные инструменты и играл перед публикой. Я тоже был таким. Пару раз я выигрывал в беге, один раз в метании копья, в борьбе я тоже всегда участвовал, выигрывал правда не всегда, но это только бодрило меня, я старался больше тренироваться, музыкальные инструменты тоже не обошли меня стороной. Главный принцип здесь – учи всё, потому что каждый грек должен уметь делать всё, настоящий человек должен быть универсален, как говорят римляне нужно из гражданина делать «*homo univsum*» (человека универсального).

Ну, а самые богатые время от времени состязались в таких вот гонках на колесницах. Я говорю, самые богатые – потому что колесницы и кони стоили в Греции очень дорого, за одного хорошего коня давали двадцать рабов, а за новую двухколёсную колесницу – не меньше пятнадцати. Я, конечно, не был богатым: никакими средствами не располагал ни я, ни моя мать, но меня уже считали частью царской семьи, а это значит, я считался на попечении царя и пользовался всеми благами человека при дворе. Но это было не просто. Все придворные работали на «одно дело» и на «одного человека».

Работа на «одно дело» – это работа на усиление царской власти, веса государства, авторитета царского двора. А работа на одного человека – это конечно, повседневная и повсеместная помощь и служение конкретному человеку, царю Македонии. Если простые македонцы уважают царя, то и нам хорошо, а если все уважают придворных – это значит, мы всё делаем правильно. Царь и придворные – это сплочённая связка, где все должны помогать друг другу. При этом царь в любую секунду мог выгнать тебя из дворца, и ты автоматически становился изгоем везде. Ведь пока ты жил при дворе, о тебе забыли все твои родственники, ты как бы ушёл из своего рода. То есть тебе просто некуда было бы идти. Поэтому, с одной стороны, ты всячески угождаешь царю, а с другой, ты всем вне дворца показываешь, что ты являешься средоточием власти и силы, чтобы окружающие уважали и боялись «людей из дворца».

Я уже в шестнадцать лет стал частью этой связки и поэтому пользовался некоторыми привилегиями. Я уже выполнял разные поручения («съезди – привези»), которые сыпались на всех придворных. Так меня воспитывали и вводили в разряд опытных придворных. За моей физической формой и образованием тоже следили пристально, то есть преподавателям я тоже подчинялся – начальников надо мной было не мало. Но такое воспитание дало мне право руководить самому в последующем.

С окраины Македонии Филипп получил известие, что в одной маленькой крепости у западных границ ремесленники оставили небольшой арсенал оружия, заказанный царём. Сами ремесленники не обязаны были привозить свои изготовленные изделия к царю. К тому же, опасно было перевозить оружие по стране без охраны, стоило оно дорого, нуждались в нём все (в Македонии практиковалось свободное ношение любого оружия). Тогда ещё правил Филипп, а мне было лет шестнадцать, но я уже выполнял разные важные поручения и старался быть ответственным. Так вот, царь поручил мне привести это оружие.

Я взял себе в помощь десять воинов в качестве сопровождения. Переход должен был представлять собой примерно два дня пути туда, и два обратно – ничего сложного и опасного. Я не мог предположить, что что-нибудь может помешать этому предприятию, хотя бы потому, что крепость стояла даже дальше от границы с иноземцами, чем, то поселение ремесленников, которое поставило это самое оружие в крепость. Никаких разбойников тогда в Македонии не было – за порядком следили армейские гарнизоны в поселениях и общинная оборона (это когда мирные жители в критических ситуациях объединяются в отряды и решают любые вопросы

обороны и розыска преступников). Царь очень жёстко расправлялся с бесчинствами, а армия контролировала всю страну, так что порядок и спокойствие были нормой.

Жизнь была настолько хорошей и спокойной, что по городам постоянно гастролировали иностранные музыканты, цирковые и драматические актёры, показывали крупные спектакли и небольшие сценки (за деньги конечно), так что жизнь процветала, в том числе и культурная. Добавлю о процветании: процветать жизнь стала именно при Филиппе, он отвоевал у иллирийцев и фракийцев очень богатые регионы – золотые, серебряные, медные и железные рудники, а также лесные массивы кораблестроительной ели. Торговля этими ресурсами превратила Македонию в самое богатое государство на Балканах. Скажу больше, именно это время отложилось у меня как самое счастливое время в моей жизни и жизни всей Македонии.

Но вернусь к своему заданию «привезти оружие к царю».

Мы выступили в полдень, при этом ничего не предвещало никаких проблем. День стоял тёплый. Была поздняя весна. Слышался щебет птиц, стрекот кузнечиков и жужжание пчёл. В воздухе витал запах цветов. Казалось, природа шепчет тебе – наслаждайся жизнью, она прекрасна, расслабься – и не о чём не думай! Я вспомнил о своей девушке. Да, у меня тогда уже была девушка по имени Ариадна («совершенно чистая»). Это имя ей дал я сам, родители её звали Антуса («цветок»), она была дочерью дворцового конюха и служанки, она была очень милой и наивной. Её каштановые волосы и голубые глаза говорили о том, что её предки родились где-то в северных странах. Коренные македонцы, мужчины и женщины, чаще всего имели карие глаза и волосы тёмного цвета. Но у всех греков была мода на северных жён, то есть все мужчины Греции покупали на рабских рынках рабынь с Севера и делали их своими жёнами. Дети от таких браков рождались, как правило, высокими, крепкими и смышлёнными. Были, конечно, у некоторых греков жёны и из Африки, негритянки, но они были совсем не обучаемы, а их дети обучались плохо и поэтому интерес к этой стороне света пропал.

Так вот, Ариадна, она была такая!.. Как бы это объяснить... я боялся к ней прикоснуться, чтобы не навредить, и в то же время меня тянуло к ней невероятно. Но конечно на момент, о котором я сейчас рассказываю, мы с ней уже прошли этап разговоров по душам с пристальным изучением всех родинок и морщинок, незаметным обнюхиванием друг друга, как это бывает у собак, и о чём не принято говорить у людей, но что обязательно происходит у них, а также этап обнимания и поцелуев с длинными паузами и поглаживаниями, и даже следующий этап, но это только сблизило нас. И сейчас я вспоминал её запах, её мягкие плавные движения, интересно, что она участвовала в женских спортивных состязаниях и победила среди метательниц копья в возрасте девушек до восемнадцати лет. Они метали копья в щит на расстоянии тридцати шагов, кто точнее метнёт, тот и молодец. Как я уже говорил, девушки и женщины у нас проводили свои женские соревнования, и те кто выигрывал, имел некий авторитет или статус.

Я вспоминал её красивые... как бы это сказать, когда платье короткое, и при этом видны красивые белые ноги от середины бедра и ниже... Да... При этом я страшно ревновал, если кто-нибудь из мужчин тоже видел эти ноги и высказывал ей всё, что думал. Она отвечала, что пока не моя жена, и я не могу приказывать ей, что делать. Вот если бы я взял её в жёны, то она бы подчинялась мне. Я даже было сходил к маме и сказал, что хочу жениться, то та мне ответила, что сначала нужно сделать карьеру, получить какой-нибудь чин, должность, заработать себе имя, познать не одну, а несколько женщин, а затем выбирать из них ту, которая тебе больше подойдёт, ту, которая поможет подняться тебе ещё выше. Я немного повыступал, говорил, что я сам решу, что мне надо, и если сказал женюсь, значит женюсь, но потом успокоился и пришёл к выводу, что пусть всё остаётся так, как есть сейчас. Мне и так всё нравилось – я любил Ариадну, она любила меня и это было великолепно! И можно было ничего не менять. Зачем менять, если и так хорошо!

Так мы двигались на конях, и я был весь в своих мыслях. День прошёл обычно – мы спокойно совершили переход, с нами было четыре телеги для оружия. Постепенно вечерело. Начало темнеть. Я посмотрел на небо.

– Ни одной звездочки! Ночь будет очень тёмной, – сказал Диодор, один из моих людей.

– Немного отъедем от дороги и переночуем на телегах, – сказал я.

Ночь мы встретили в полной тишине, если не считать редкие крики сов и отдалённый волчий вой. Я лежал и глядел на небо – не было ни луны, ни звёзд. Странно... Так я заснул.

Неожиданно в полусне я услышал конский топот. Вначале мне показалось, что я слышу это во сне, звук копыт отчётливо давал понять, что это два коня. Затем к топоту коней прибавились скрипы, скрежет и всхлипывание. Я вскочил с телеги, хватаясь за что-нибудь из оружия. Пика – я схватил и сильно сжал её в руке. Я стал вглядываться в темноту. Ничего не видно! Мрак стоял такой, что я не мог видеть собственных ног. Где-то неподалёку, где должны были стоять остальные телеги со спящими воинами, шла какая-то возня.

– Кто здесь?! – крикнул я, как можно более грозно, напряжившись всем телом: – Быстро говори или я убью тебя!!!

Я расслышал, как чёрные силуэты засуетились, скрежет усилился, стало ясно – в этой темноте нас кто-то пытается убить. Я толкнул лежащего рядом воина в бок, чтобы тот проснулся и, схватив щит, бросился вперёд. Быстро сообразив, что тени на конях бьют копьями в моих спящих людей, я ребром своего щита ударил ближайшего коня незнакомцев в район коленного сустава – тот присел, тут же пикой я ударил всадника в торс со спины. Пробить с одного удара защитную одежду противника мне не удалось, однако на ноге его повис раненный Эвклид, опытнейший из наших воинов, чем отвлёк врага.

– Я держу его! – Эвклид, бесспорно, помог мне.

Чёрный всадник пикой добил его, но из-за этого он потерял момент – я ударом пробил одежду и воткнул своё оружие в спину врага. Тот слетел с коня. Спящие повскакивали и бросились на второго (их действительно оказалось двое) всадника, но тот успел ретироваться, через секунду топот его копыт был уже еле слышен, а силуэт его затерялся где-то в темноте.

– Кто ты?! Что вам было нужно?! – кричал я умирающему налётчику.

– Кто из вас Александр? – прохрипел умирающий и когда услышал ответ, заявил:

– Тебе не дожить до утра, Александр... – в лице незнакомца скользнула презрительная усмешка (её я увидел даже в этой темноте), после чего он отключился навсегда. Мы зажгли факел, чтобы осмотреться. Убитый был одет как одеваются далматы – горный иллирийский народ к западу от Македонии. Что здесь делали далматские всадники? Было непонятно. И главное, откуда он знал меня и зачем я был нужен им. В войнах с далматами я ещё не принимал участия. Я ничего не сделал, чтобы заставить кого-то из них ненавидеть себя. Мы рассмотрели потери – двое убитых, Эвклид и Афобий; Ипатий был ранен – пробита пикой рука. Мы перевязали её.

– Думаю, нам нужно уходить отсюда, проведём ночь в другом месте, – приказал я своим. Труп незнакомца мы бросили, а своих убитых забрали, чтобы похоронить.

Так как было темно, хоть глаз выколи, далеко мы не пошли, зашли за холм, чтобы на нас не совершили повторное нападение. Я поставил дозорного, чтобы тот следил за обстановкой и положил всех спать дальше. Но сон мне уже не шёл. Не скажу, что я испугался, но напряжение теперь не покидало меня. Я вздрагивал и хватался за меч при каждом шорохе кустов, вздохе коней и тому подобном. Остаток ночи показался вечностью – я перебирал всех, кому я мог навредить настолько, чтобы те мечтали убить меня и главное, могли привести своё желание в реальное исполнение. У всех есть враги, более или менее ненавидящие. Я думаю, каждого человека кто-нибудь хочет за что-нибудь убить, но не каждый приводит эти свои мысли в действие. Когда вы на виду у всех, вас обязательно кто-нибудь ненавидит. Не скажу, что я до этого

был ко всем добр, и у меня не было завистников, но ярых врагов у меня тоже не было. По крайней мере, так я тогда думал...

Ну, хотя вспоминается один нелицеприятный случай, когда парень по имени Зопирион, сын офицера-сотника македонской армии начал приставать к моей Ариадне, а может просто разговаривал, а не приставал. Это было полгода назад. Ему семнадцать лет, он на год старше меня... Мне показалось, что он пристаёт к ней и я вдруг испытал прилив ревности... Да, я напал на него. Так получилось, что он был немного навеселе, то есть выпил вина и поэтому заторможен... Я со всей силы ударил его три раза – он схватился за лицо, пара синяков была обеспечена... Но он сказал, что обязательно отомстит мне, он собрал парней и пришёл ко мне, у меня тоже были друзья – пятеро против четверых... Нас остановили и обо всём доложили кому надо. Филипп тогда отсутствовал и приказы по нашему воспитанию давал его наместник Антипатр. Этот особо разбираться не стал, он решил всех наказывать физическими тренировками. Все мы, и мои друзья, и враги, неделю должны были отжиматься каждый день по тысяче раз и пробегать расстояние по сто стадиев (примерно восемнадцать километров). Да, пришлось пройти через всё это, но я не в обиде на Антипатра, я принял эти тренировки за счастье, ведь обычно я мало тренируюсь и много отлыниваю, а тут такой случай. К тому же все из нас, кто был наказан, так выдыхались на этих тренировках, что неизбежно как-то сблизились (ну кроме нас с Зопирионом). Зопирион, наоборот, после этого ещё сильнее обозлился на меня. Моя мама Олимпия отнесла родителям Зопириона пирог, с просьбой забыть обиду и те уверяли её, что инцидент исчерпан. Но сам Зопирион всегда отворачивался, увидев меня, да и я как-то не стал извиняться за нападение. Но здесь... – взрослые подготовленные воины, да ещё иностранцы, не мог же сын сотника нанять несколько далматов, чтобы ликвидировать меня! Или мог? Совсем забыл!.. В последние дни отец Зопириона Андромах стал тысячником – это не просто подъём в карьере, это взлёт. Говорили, он со своими воинами раскрыл и арестовал группу заговорщиков, которые хотели убить Филиппа, за это тот его и поднял... Если Андромах станет полководцем и отдаст своего сына Зопириона за дочь царя, то оба они станут приближёнными при дворе... Это уже родственные отношения... В этом случае я буду реальным конкурентом для обоих...

Вспомнил ещё одну историю... Когда мы с друзьями купались в речке, то к нам подошли какие-то неместные, по виду они были нашего возраста (около шестнадцати лет) и напоминали каких-то деревенских. Они тоже стали купаться вблизи нас. При этом они так громко кричали, что один из нас не выдержал, подошёл к ним и сказал (немного, наверное, грубовато), чтобы они не орали, а очень быстро собрали свои шмутки и валили отсюда, пока мы им не навешали. Нас было семеро, а их десять, но они были примерно нашего роста и довольно худосочные. В-общем, началась драка, мы стали забивать чужаков – годы изощрённых тренировок, придуманных царём Филиппом, дали о себе знать. Поняв, что им придётся плохо, трое из них, выплюнув выбитые зубы и вытерев рукавом обильно залитые кровью лица, вытащили кинжалы и с яростью бросились на нас. У нас ничего не было – мы стали отступать, кто-то просто убежал. Но тут я увидел на песке длинный шест-заготовку для копья... Я поднял его и атаковал чужаков... Ну что тут можно сказать... – ничего хорошего... Они были очень агрессивны, а я сильно испугался или лучше сказать перевозбудился... Одному я проткнул живот, второму вонзил своё копьё в глаз, третий тоже кинулся на меня... Он ухватился за копьё и пытался зарезать меня... Копьё сломалось надвое, а от удара кинжалом я увернулся... Интересно, что все вернулись к исходным позициям и сейчас наблюдали за происходящим, ожидая развязки. Прошло несколько минут, мне не удавалось ничего, а незнакомец оставил на моих руках несколько глубоких порезов, мои парни уже стали нервничать, но я сумел переломить ход боя – один конец копья вошёл в горло моему противнику, а второй я забил ему между рёбер... Да, очень грубо и жестоко... Но он бы убил меня, если б смог... Незнакомцы убежали, а мы пошли во дворец и сказали, что на нас напали вооружённые парни, но мы смогли отбить атаку... Все мужчины

собрались вокруг нас и внимательно выслушали. Я не ожидал такого эффекта. Нам предложили взять оружие, сесть на коней и догнать обидчиков. Начальник охраны дал нам в подмогу сотню воинов. Я уже и так насладился кровью и поэтому не хотел никуда ехать, но мои друзья сказали, что обязательно нужно догнать оставшихся семерых, если мы оставим всё как есть, то все во дворце поймут, что виноваты мы сами – напали на беззащитных парней и даже троих убили, а так мы будем демонстрировать праведный гнев и желание, из чувства справедливости, наказать непрошенных бандитов, чем заслужим уважение всех во дворце. А то, что мы первые начали тот конфликт, не должен знать никто – они напали, а мы защищались, затем трое были смертельно ранены, мы их добили и вернулись во дворец. На том и порешили. Поймите меня правильно: все во дворце поверили, что на придворных было совершено нападение. Этот факт нельзя было проигнорировать и поэтому была организована погоня.

Итак, этих парней мы искали до вечера. Когда мы уже возвращались домой, то заметили на берегу реки несколько фигур. Сидя на конях, мы быстро приблизились к ним и поняли, что это именно те незнакомцы, с которыми мы столкнулись на берегу. Оказывается, они просто спрятались в кусты, когда мы проезжали до этого, но сейчас они были взяты врасплох. Их было ровно семь.

– Это они? – спросил нас офицер из гарнизона, сопровождавший нас.

– Да, – закивали головами мои друзья.

– Ловите их ребята! – скомандовал офицер и все кинулись догонять парней.

Трое из незнакомцев оказался очень быстрыми: они бросился в воду и начали переплывать реку; остальных мы поймали. На середине реки один из них повернулся и крикнул в нашу сторону:

– Александр! Я узнал тебя! Ты убил троих моих братьев, а сейчас хочешь убить остальных моих друзей! Я посвящу всю свою жизнь, что отомстить тебе – я найду тебя... приду во дворец... выслежу и убью! Ты от меня не уйдёшь – клянусь кровью своих братьев! У меня много друзей, даже в царском дворце! – с этими словами паренёк и его двое друзей пересекли реку и исчезли в кустарниках. Река была довольно глубокой и никто не рискнул вот так, на коне, пересечь её. Они ушли. А я не придавал особого значения его словам. Меня мучили другие мысли.

В-общем наших четверых «бандитов» никто даже не выслушал, а наш уважаемый наместник Македонии Антипатр (царь Филипп тогда, как обычно отсутствовал) решил наказать их самым обычным для таких преступлений образом – в этот же день он прибил их к крестам и поставил на центральной площади. Мы ходили мимо несколько дней и смотрели, как прибитые гвоздями бедняги даже не могут стонать от боли, потому что находятся в полубодром состоянии. А кровь, стекавшая в первый день, уже высохла, оставив тёмные пятна шелухи на всем теле. Мне было совсем не весело, оттого, что мы победили этих ребят, которые ещё несколько дней назад весело резвились в нашей речке... Да... за такое можно и отомстить. Хотя бы не всем нам, а лично мне. Я понимаю, что мы с друзьями были совсем не правы. Но мог ли тот деревенский мститель собрать таких, как эти... далматы?

Сон сладкими волнами понемногу стал накатывать на меня. Его нега уже полностью сковала мой мозг, но тут я увидел образ, который заставил меня подпрыгнуть. Через секунду я понял, что это мне привиделось во сне, но сердце так и застучало в груди... Я увидел... Как бы это сказать... Но начну с самого начала...

Один раз, несколько месяцев назад, я имел неосторожность общаться с одним человеком. Вы можете подумать, что может быть опасного, если ты живёшь в царском дворце, выполняешь все правила проживания в нём, при этом никому не переходишь дорогу? Но нет, иногда бывают ситуации, которые могут напугать самого смелого из нас. В-общем, жил был один человек по имени Амброзайос (бессмертный). Этот человек... если его можно так назвать, был очень сильным колдуном (магом, ведьмаком, если можно так его назвать) и мог решить

любую человеческую проблему любого человека, чем сделал бы счастливыми не одну тысячу простых людей, если бы захотел. Но, дело в том, что его врождённая жадность и ненасытность не позволяла ему оставлять о себе хорошее впечатление. Он не мог просто помогать людям и принимать от них подарки. Ему всегда хотелось отобрать у людей намного больше, чем они ему давали за его магию. Постепенно окружающие перестали ходить к нему за помощью, но слава о его магии уже, как говорится, ушла в народ. К нему иногда приходили из дальних городов и посёлков, и вот с этих людей он уже старался выжать всё... Ярким примером служит одна история.

Эту историю я услышал от самых разных людей, в том числе и из уст первоисточника, то есть от самого Амброзайоса. Резона не верить ему, у меня нет, потому что его слова подтверждались совершенно разными людьми.

Однажды из дальней деревни к нему пришла одна не очень молодая (лет тридцати), но очень красивая женщина по имени Мильтиада и попросила его приворожить к ней одного хорошего достойного мужчину. Она знала про его беспредельную жадность и поэтому принесла ему дорогое золотое кольцо, стоившее сто овец или десять коров. Он согласился принять подарок за свою работу, даже сказал, что этого вполне достаточно. Далее, он провёл свои обряды и сказал: «Иди к нему, перемолвись с ним парой слов и всё – он твой!» Она его отблагодарила и пошла к своему будущему мужу, как она думала. Действительно, после пары фраз мужчина предложил женщине начать более тесное знакомство. Но дальше дело не пошло – мужчина оказался абсолютно бессилён в постели, начал сходить с ума почти сразу, а умер на четвёртый день от непонятной болезни. Женщина в горе второй раз пришла к колдуну, а он предложил ей стать его служанкой и наложницей. Она разозлилась: «Я заплатила тебе, а ты убил моего будущего мужа, да ещё хочешь, чтобы я пресмыкалась перед тобой!!! Чтоб Танатос (бог смерти) унёс тебя в царство мёртвых!!!» Но чары колдуна уже окутывали её, и очень скоро она почувствовала, что не может жить без Амброзайоса. Она бросила своих пятерых детей на произвол судьбы и пришла жить к колдуну. У колдуна уже была жена, но она тоже была очарована им и не могла ему перечить, поэтому с радостью приняла новую пассию своего мужа. Дети у колдуна тоже были – пять сыновей. Кстати, говорили, что он легко мог заколдовать женщину так, что она рожала только мальчиков. Когда Мильтиада пожила немного у Амброзайоса, то обнаружила под полом дома вход в подвал. Подвал имел большое количество помещений и вообще он был огромен. Там день и ночь трудились люди. Оказывается, колдун сумел подчинить себе несколько сотен человек, и все они работали на него в этом подземелье. Они тянули нити, ткали полотно, шили одежду и обувь, изготавливали керамические кувшины и вазы, а затем жена колдуна со слугами увозила всё это на рынок и продавала. И никто никогда не пытался ограбить её, один раз на неё напали разбойники, но неожиданно произошло какое-то помутнение в их головах и они перерезали друг друга, а последний сам разрезал себе горло. Жуть! Интересно, что те люди, в подвале были в-целом довольны своим положением, они охотно подчинялись своему хозяину, и он их почти никогда не наказывал. Вот только на улицу он их не выпускал и кроме света от огня свечей они ничего не видели. Обычно несколько раз в неделю, всегда ночью, во двор к колдуну приходили животные (свиньи, коровы, козы или овцы). Эти животные убегали от своих хозяев (ломали клетки, ограды, прошибали лбами заборы, а иногда хозяева под воздействием наваждения сами выпускали своих животных) и со всех ног бежали к дому колдуна. Слуги Амброзайоса по ночам кололи этих животных и кормили всю его армию работников. Получается, колдун крал домашний скот у своих односельчан.

Итак, наша женщина, собрав всю волю в кулак и объяснив себе, что любовь к колдуну у неё – это всего лишь приворот, пошла пожаловаться на колдуна к старейшине местной общины. Но старейшина тоже был под чарами колдуна и только попросил женщину успокоиться, не верить злым языкам и вернуться назад, к колдуну конечно. На прощанье он сказал:

«Вы просто его недопоняли! Это такой добросердечный и широкой души человек! Я сам бы отдал ему последнюю рубашку! Мы ему всем обязаны! Да если бы не он!...» Непонятно, что он имел в виду и были ли заслуги Амброзайоса в том, что их деревня жила достаточно зажиточно, но продолжу.

Преодолевая наваждение Амброзайоса, Мильтиада решила пойти к царю Филиппу, но на полпути почувствовала такую тоску и тягу к колдуну, что не смогла идти дальше и, помучавшись, вернулась назад. Похоже, сильно действовали чары колдуна. Так она прожила ещё несколько дней, и когда сознание очередной раз к ней вернулось, и она опять попыталась бежать с челобитной к царю, то она всё-таки смогла дойти до царского дворца и попросить аудиенции. Охрана спросила, что ей нужно, и она всё рассказала придворным. Филипп в этот день был на охоте и ей предложили подождать царя в комнате для гостей. Там она почувствовала необъяснимый прилив чувства стыда перед Амброзайосом, как будто она его предает, и бросилась бежать из дворца со всех ног. Когда через пару дней она снова оказалась перед домом своего поработителя, тот улыбнулся и обнял её. Несколько слуг Амброзайоса случайно услышали, что Мильтиада не ценит и не уважает своего хозяина и даже убегала от него. Они напали на неё, чтобы проучить, так как безмерно обожали Амброзайоса. Наверное, они хотели убить бедную женщину, но она вырвалась и побежала на улицу. Она стала кричать: «Помогите, убивают!!!» Сначала соседи повыскакивали из своих домов, но когда увидели, что это женщина выбежала из ворот колдуна, то поспешили вернуться назад. Сам Амброзайос выскочил на улицу, посмотрел на неё своими красивыми и добрыми глазами, и она поняла, что всё будет хорошо и вернулась назад. Она успокоилась на какое-то время. В доме, когда она работала, ей случайно в руки попал разделочный нож, она крепко сжала его в руке и набросилась на колдуна... Но нож не слушался её, он увлёк Мильтиаду куда-то в сторону. А колдун продолжал смотреть на неё своими добрыми глазами. Но теперь она поняла, что этого колдун ей уже не простит и попыталась перерезать себе горло, но колдун подошёл к ней и сказал: «Нет! Ты ещё нужна мне. Присядь – отдохни, а я подумаю, что с тобой делать!» Нож он конечно осторожно отобрал. Внутри её переполняли эмоции: страх перед всесильным человеком, боль от того, что она не может противиться ему ни в чём и ненависть, потому что он обманул её. Она решила просто убежать. Она собралась с остатками воли, выскочила во двор и побежала. Но она опять почувствовала, как невидимые нити тянут её назад. При этом расстояние от дверей дома до ворот, отделяющих двор от улицы, стало таким длинным... Какое-то время она пыталась пересечь двор, но ворота как будто уходили вперёд, она поняла, что это очередное наваждение Амброзайоса. Ощущение полной безысходности поглотило её. Во дворе стоял очень глубокий колодец, в этих местах вода в колодцах была, если только их выкапывали очень глубоко, так вот её взгляд остановился на этом колодце. Она собралась с силами и со всего разбега прыгнула в него. Говорят, что она разбилась, пока летела, так что на дно упало уже безжизненное тело.

Когда с охоты вернулся царь Филипп, охранники ему доложили, что к нему приехала за помощью женщина, которую терроризирует какой-то колдун. Он попросил её привести, но приводить оказалось некого. Тогда, нужно сказать к чести царя, он учинил розыск этой женщины. Через несколько дней уже точно знали, где живёт этот колдун. Царю хотелось лучше узнать этого человека, чтобы яснее представлять всю картину. Всё-таки любой правитель должен знать, что творится у него в государстве. Царь решил отправиться поближе к селению Амброзайоса, чтобы закончить своё расследование и вынести справедливое решение. Он остановился лагерем в небольшом селении с отрядом в триста воинов в полудне пути от селения Амброзайоса. При этом он приказал делать вид, что идут учения, чтобы окружающее население не пускало слухи. Нужно было проверить на деле, действительно ли Амброзайос является такой «сволочью», как о нём говорила женщина или она преувеличила. У него работал очень профессиональный и опытный провокатор по имени Юфранор, царь приказал ему всё проверить самому или отправить кого-нибудь за себя в логово колдуна. Юфранор понимал, что если

колдун настоящий, то он его раскусит сразу же и поэтому он решил отправить свою жену. Как ему не жалко её было? Непонятно, но у его жены была мать, которая очень сильно болела – она не могла встать на ноги, кстати, тещу Юфранора тоже привезли – решили совместить приятное с полезным: и человеку помочь и расследование провести. Жене Юфранора было уже лет тридцать пять, она ещё не работала провокатором, но была опытной женщиной с ясной головой и готова услужить царю в таком интересном, но опасном деле, к тому же царь пообещал денежное вознаграждение, в-общем, она пошла просить за маму. Закончилось это вот чем.

Вначале решили не везти мать, а совершить ознакомительную поездку: жена поехала в повозке с охранником. Амброзайос принял подарки и сказал, что даст ей даже больше, чем она просит, мать он вылечит на расстоянии – её даже не надо везти к нему. Вот так. На следующий день к царю Филиппу пришла на приём, кто бы вы думали – сама теща Юфранора (до этого она не ходила пять лет). Теперь она не просто передвигалась, а двигалась довольно легко, как пятнадцатилетний подросток. У царя был лёгкий шок, ведь он её видел до этого – она всегда лежала в постели. Она была в хорошем расположении духа, поблагодарила за исцеление и предложила свою помощь в разоблачении колдуна, но только она его назвала величайшим целителем и просила наоборот, всячески помогать этому достойному человеку, который «не жалея живота своего, радеет о судьбах людских». Филипп ответил, что была одна обиженная женщина, которая пропала и никто не знает куда она делась. На это теща Юфранора сказала, что хочет сама сходить к «великому целителю» и доказать, что в этом ничего опасного нет. Царь начал сомневаться, но потом согласился.

Напряжение начало расти, когда царь понял, что отсутствует Юфранор и его жена. Он приказал найти их. Сначала гонцы царя даже не поняли, где нужно искать, ведь Юфранор никому не сообщал, где он остановился в селении – к царю он приходил сам. После тщательного поиска в течение двух дней, их трупы (Юфранора и его жены) были обнаружены на пороге одного пустующего дома. Оба трупа имели множественные раны практически на всём теле, сделанные ножом, который был найден здесь же. Удивительно, что вход в соседний, но жилой дом, был шагах в двадцати и никто ничего не слышал и не видел до прихода царских оперативников, которые стали опрашивать всех вокруг. Неужели они совершили акт самоубийства? А многочисленные порезы? Самоубийца не может кромсать себя как сумасшедший! Или может?.. С другой стороны, одновременно с ума два человека не сходят! Либо один из них сошёл с ума и убил обоих, либо их убил кто-то третий, значит, есть убийца – и его нужно найти!

Тёща Юфранора, как договорились, на следующий день сама сходила к Амброзайосу («великому и мудрому целителю», теперь она добавила эпитет «мудрый!»). Сейчас она запела дифирамбы с новой силой. На этот раз он вылечил ей грыжу, подправил желудок и почки. Но Филипп её не слушал. Его сейчас возмутило убийство лучших своих людей, и он во что бы то ни стало должен был найти убийцу. Он пригласил следователей и они стали расспрашивать всех, в том числе и тещу Юфранора, где все они были в эти дни – и... ничего. Никаких зацепок! Царь был в бешенстве! Что-то делать было нужно и он высказал предположение, что может быть завтра взять и ворваться в усадьбу Амброзайоса: учинить обыск и допрос всех, кто там есть, может быть, он как-то причастен к убийствам. В этот момент теща Юфранора, а она находилась рядом и всё это слушала, эта старая и тучная женщина выхватила из-под своей одежды меч, взметнула его над головой и бросилась на Филиппа. Царь от неожиданности опешил. Его заслонил один из семи его личных охранников. Женщина невероятно резким и жёстким движением пробила мечом грудную клетку гвардейца. Телохранитель умер на месте. Остальные шестеро, желая выслужиться, разрубили старуху на мелкие куски. «Вот примерно так был убит Юфранор и его жена!» – глядя на тело старухи, попытался сыронизировать царь. Всем стало ясно, что пожилая дама слетела с катушек, а значит, она убила Юфранора и его жену (собственную дочь!).

Все поняли, что колдун («великий целитель») сумел не только вылечить больную женщину, но и как-то проник к ней в голову. Теперь уже медлить было нельзя и царь тут же отправил сотню гипаспистов (гвардейцев-щитоносцев), чтобы они арестовали всех в усадьбе Амброзайоса, включая конечно его самого. Но дело в том, что от ставки царя до усадьбы колдуна было расстояние... Гипасписты начали свой путь ближе к вечеру и должны были подойти к точке назначения уже глубокой ночью... В-общем... никто не вернулся. К обеду Филипп выступил с оставшимися гвардейцами сам. По пути они наткнулись на что-то неожиданное: вся группа ушедших вчера гипаспистов, вооружённая до зубов, все сто человек лежали на земле – они были кем-то убиты. Но кем?! При внимательном осмотре складывалось впечатление, что они перерезали друг друга (к-примеру, воткнутые мечи в телах были такими же, что и у остальных, сломанные копья в одних телах, а вторая их часть у лежащих рядом). Филипп натолкнулся на одного едва открывшего глаза воина, лежащего в гуще трупов:

– Что случилось воин?! Кто на вас напал?!

Отвлечённо бессмысленный взгляд гипасписта говорил, что ничего от него ждать не приходится:

– На нас напали... такие... такие же, как и мы... словно в зеркало... они стали резать, колоть и рубить... мне пришлось убивать своих, потому что я не знал, куда бить... я похоже не стал героем?

Больше царь ничего не услышал.

Филипп начал понимать, что колдун на самом деле невероятно силен. У царя был придворный жрец и маг по имени Аристандер, в основном он следил за жертвоприношениями и лечил всех при дворе, но сейчас потребовалась помощь иного рода. Аристандер находился здесь же, он предложил выбивать клин клином, при этом дал всем воинам какую-то тонирующую травку. Царь приказал всем думать только об одном – арестовать колдуна. Желательно с ним не разговаривать и сразу надеть мешок на голову. На этот раз первыми пошли гетайры (гвардейцы-конники из аристократов). У этих в принципе всё получилось как надо – усадьба была захвачена и невольников выпустили из подвала.

Филипп распорядился расследовать, как Амброзайос сумел подчинить своей воле так много людей, а также где та самая женщина, что приходила жаловаться. Следователи начали допрашивать всех. Оказалось, что люди были страшно недовольны, что их хозяина арестовали и умоляли отпустить его. При этом по существу дела никто ничего сказать не мог, либо не хотел. Как они оказались в подвале они тоже не могли объяснить. Расследование зашло в тупик. Царь нервничал. На прямой вопрос сам Филипп услышал ответ колдуна: «Ты сам, царь, как смог подчинить себе так много людей? Я руководил парой сотен несчастных людей, они пришли ко мне и я сделал их счастливыми, а ты заставил всех подчиняться себе только потому, что все они родились в этой стране. При этом счастливыми ты не сделал никого! Но я не в обиде на тебя – если хочешь, я буду помогать тебе. Сделаю счастливыми тебя и всех в Македонии, дай мне только шанс и немного времени!» Филипп спросил об убийствах в последние дни: «Всех их убил ты, как и ту женщину, что приходила ко мне! Ты овладеваешь чужими умами, зачем мне такой маг при дворе? Ты хочешь овладеть моим мозгом? Я и без твоего участия могу приказывать убить кучу народа... я имею в виду преступников конечно!»

Филиппа страшно разозлило, что никто ни в чём не признался. Могла остаться хоть и эфемерная, но надежда на то, что Амброзайос не злой колдун, а добрый маг и волшебник. Царь пригласил судий. Судьи, рассмотрев это дело, инкриминировали обвиняемому незаконное удержание в неволе двухсот пятидесяти семи человек – этого было достаточно, чтобы вынести ему самый суровый приговор. Жену тоже посчитали участницей преступлений... Это дало Филиппу возможность опробовать самую мучительную, как он считал, казнь, привезённую из Азии... В казни участвовали двое (в нашем случае колдун и его жена) – два близких человека, их садили в два сообщающихся котла друг напротив друга (напоминающие качели) и

наливали масло, примерно, по грудь. А затем котлы разогревали, конечно, очень медленно. А самое главное – руки приговорённых привязывали к верёвкам сверху, а тела за плечи были привязаны ко дну котла. Приговорённые могли только сидеть и смотреть друг на друга. Когда масло начинало жечь, кто-нибудь из них не выдерживал боли и начинал тянуть верёвки на себя, так он поднимался чуть-чуть вверх. Сидящий напротив тут же опускался в масло – срабатывал эффект качели. Видеть мучения родного человека и понимать, что они исходят от тебя, даже перед смертью очень тягостно, а если казнь затягивалась на несколько часов, сутки или несколько дней... Не позавидуешь...

Таким образом, сама казнь была ещё и пыткой: здесь царь хотел продолжить допрос колдуна во время разогревания масла, «может быть боль и безысходность сделают своё дело и язык развяжется». Пытать и казнить царь приказал не как обычно принародно, а совсем без публики, чтобы никто не отвлекал приговорённого ни от его боли, ни от возможной исповеди. Два опытных дознавателя должны были повторить все вопросы, на которые Амброзайос так и не ответил утвердительно. На тот допрос с пристрастием напросился и я. Мне было очень любопытно, как производят пытки и, в конце концов, виновен ли этот человек? Сам Филипп появился в начале всего этого процесса и, очень быстро потеряв интерес, ретировался по своим делам. Я же остался и с интересом, сев рядом с дознавателями, слушал каждое слово, сказанное колдуном...

Нужно сказать, что пытка родственными чувствами – на самом деле жестокая вещь... Амброзайос сдался примерно через час. Он сказал, что хочет хоть кому-нибудь рассказать о том, что произошло... Ведь он до этого никогда ничего ни кому не рассказывал из того, что творил. Изливать душу было бы слишком опрометчиво – его могли бы сдать или стали бы ненавидеть, а так... «Если ты сам веришь, что ты хороший человек, то всегда найдутся те, кто будет обожать тебя... А если ты копаешься в своих недостатках и своей совестливости, поверьте (как сказал он) – любить тебя не будут!» Странная и страшная мысль, подумал я тогда! Это значит, можно грешить вовсю, только надо верить, что ты всё делаешь правильно и именно поэтому ты будешь правым!!! А если ты при этом будешь себя ещё и обожать, то найдутся те, кто тоже станет обожать тебя!!! Вот они – странности человеческого рассудка!!!

Итак, он начал говорить. Оказалось, весёлого в его рассказе не было ничего... Пока он рассказывал, палачи перестали усиливать огонь под котлами и лишь поддерживали тепло, чтобы рассказчик смог в комфортной обстановке расслабиться и продолжать свой длинный рассказ, и на самом деле, наш собеседник многое рассказал. Он подтвердил, что это он околдовал Мильтиаду, но она оказалась непокорной и всё делала себе (именно себе!) во вред. Юфранор, его жена и тёща – это тоже его работа. К нему пришли духи умерших родственников и предупредили, что идут его арестовывать за пару дней до этого. На вопрос: «А почему не сбежал?» Он ответил: «А куда же я брошу жену, сыновей и своих работников?» Сотня гипаспистов, которые поубивали друг друга – это тоже он. Колдун сказал, что мог бы то же самое сделать и с последующими воинами, шедшими вместе с царём, и царя бы убили его собственные охранники, но он просто после убийства гипаспистов не успел восстановить свои силы. Магическую энергию он берёт из космоса и она не безгранична. Вот если бы царь пришёл на пару дней позже...

Рассказ длился довольно долго. Колдун при этом говорил всё тише и тише, как бы засыпая, и я придвинулся к нему, чтобы не упустить ни одного слова... И тут он широко открывает свои глаза-магниты, пристально смотрит на меня и говорит: «Я сегодня умру, но мне уже не страшно, мне хорошо. А хорошо мне оттого, что я понял, что я должен сделать! Ты понравился мне, ты молодой и крепкий! Умерев, я должен буду войти в чьё-то тело, так я буду жить дальше! Я приду к тебе во сне – и это будет значить, что я вхожу в тебя, ты не бойся этого. Ты постепенно и безболезненно станешь моим телом... Ты не должен бояться этого – это не больно, это приятно, это почётно... Ты даже не заметишь, как станешь всесильным. Твои силы

вырастут до небес, ты сможешь всё: управлять людьми, внушать людям свою власть над ними, за тобой пойдут миллионы...

Тут я сначала не поверил, скорее, воспринял всё это за нелепую шутку, но потом я вспомнил о Мильтиаде, Юфраноре и сотнях невольников, о гипаспистах – через секунду я вскочил:

– Чтоб тебя собаки разорвали!!! Адское отродье!!! Ты что меня гипнотизируешь? – я почувствовал шум в ушах, головокружение и бросился бежать оттуда, что есть мочи.

Итак, колдун умер, работников его отпустили на волю, царь даже приказал дать бывшим невольникам немного денег, чтобы они смогли уехать из того злополучного места, если захотят конечно. Сыновей колдуна под страхом наказания царь принял в армию – они пополнили македонскую фалангу, там за ними постоянно следили. В-общем, всё закончилось более-менее хорошо, но вот что со мной?..

Самое жуткое произошло потом... По ночам я стал видеть образ Амброзайоса, он тянул руки ко мне и просил помочь ему – он хотел войти в меня. Со стороны, может быть, это выглядит довольно смешно, но мне было не до смеха. Самое мерзкое, что всё это сопровождалось приятными переживаниями: ощущением блаженства, неги и какой-то эйфории. Каждый раз я испытывал слабость, пытался его атаковать, либо убежать, но на следующий день, вернее ночь, всё повторялось. И так почти каждый мой сон! Позже он стал сниться совсем без одежды, а потом ещё хуже – как будто его тело начало разлагаться и гнить. Моя мать Олимпия и придворный маг Аристандер давали мне разные лекарства – под действием этих лекарств сны постепенно стали приобретать другой окрас, теперь я испытывал прилив сил и уже сам избивал своего обидчика. Постепенно, великий колдун, который вредил всем в реальной жизни, а затем доставивший мне немало хлопот во снах, совсем канул в лету.

И вот сейчас, я Александр, отправившийся по поручению царя Филиппа, за арсеналом оружия, лёжа на этом перевале в повозке и, пытаясь заснуть, опять увидел агрессивную и сгнивающую фигуру Амброзайоса... Неужели он опять вернулся в мои сны? Чёрт!!! А я не взял с собой никаких лекарств!!!

Мог ли этот колдун, находясь уже по ту сторону жизни, заколдовать каких-нибудь воинов смерти и теперь они в облике далматов выскочили из-под земли и пытаются отомстить мне?..

Я продолжал лежать и думать. А сон всё не шёл...

Стало светать.

Ночью, как сказал дозорный, никто не появлялся и подозрительного шума он не слышал. Когда стало видно на двести шагов, я поднял всех. Закопав убитых, я приказал ускориться, чтобы быстрее добраться до цели пути.

Мы двинулись. Запах цветов и щебет птиц теперь не казался мне успокаивающим. Напряжение не покидало меня. Жары не было, но яркое солнце тоже раздражало. Мы шли в низине. Я понимал, что нас видно со всех сторон. Любой нападающий имел много плюсов, а мы только могли встретить их или бежать... Всё вокруг казалось подозрительным. Я вглядывался в горизонт, но ничего необычного там не видел. К вечеру мы были на месте.

Крепость, в которой находился арсенал оружия, представляла собой укреплённый форпост около восьми оргий (12 метров) в диаметре и семи оргий (10 метров) в высоту, в ней было два этажа. Простой опорный пункт на всякий случай от набегов самых разных разбойников. Когда-то здесь рядом было небольшое поселение и люди, чтобы чувствовать себя более спокойно и уверенно построили себе эту крепость, но потом все куда-то ушли, а осталась одна семья, к которой мы и приехали.

Семья состояла из четырёх человек: муж с женой и дети (мальчик и девочка). Нас встретил муж Гермоген. Это был крупный человек, с довольно устрашающей внешностью (много волос на лице и голове, неухоженная борода), с всегда хмурой усмешкой. Он был неопрятен в одежде и неухожен, но я думаю именно такой человек смог бы выжить здесь один, то есть без родственников и соседей, я даже уверен, что он смог бы удержать один эту крепость от

небольшого отряда врагов, если таковые появятся. С ним была жена Андромаха и их маленькие дети Никандр и Елена.

Я взошёл на крепость – вид с крепостной стены был великолепным! И, несмотря на то, что начало темнеть, сколько хватало моего взгляда – это были луга, на которых изредка росли кустарники и небольшие деревья. Я вздохнул полной грудью. Тёплый свежий ветерок слегка поглаживал мне лицо. Вот это тишина! Я, наверное, тоже смог бы быть здесь счастливым! Хотя... я всегда мечтал о славе и карьере. Высокое положение – это то, о чём думают при дворе всегда. Честолюбие приходит у таких как я с молоком матери.

Итак, хозяева накрыли нам поужинать в крепости, мы сели отведать местных яств. Дом семьи находился шагах в ста от крепости и был довольно маленьким. Крепость была для них складом самых разных вещей. Итак, мы ели курицу, пили вино и разговаривали. Между этим, дети прибежали посмотреть на нас и стали бегать вокруг, жена носила нам еду, муж тоже не всегда находился с нами, то заходил, то выходил по разным делам. Мои воины стали разбредаться, кто подышать, кто по нужде...

И в тот момент, когда, казалось, нашу безмятежность не может нарушить ничего, произошло... вот это. Находясь на воздухе, я услышал вдалеке едва уловимый топот копыт. Я сразу окликнул воинов, чтобы те на всякий случай поспешили в крепость и сам двинулся к ней. Тут я увидел летящие в меня стрелы, пики, дротики и тому подобное. Летели они со всех сторон. Чёрные фигуры со всех сторон бежали на меня. Я выхватил меч из ножен, между мной и крепостью было шагов тридцать, но этот путь мне уже преградили четыре тёмных воина, с другой стороны от меня также было несколько человек. Все они были вооружены до зубов – в каждой руке у них что-то было. И все они устремились ко мне и явно не с дружеским приветствием, было ясно, что даже плен исключён. Я не могу понять сейчас как, но зигзагообразными движениями я бросился бежать, сначала куда-то вправо – потом между ними, пытаюсь воткнуть в кого-то меч, я перескочил линию атаки. Бежал я конечно к крепости. Ко мне поспешили мои воины:

– Все в крепость!!! – крикнул я. Пика, летевшая сзади в меня, угодила в горло бегущему на помощь Аристоклу. Он упал. Я не медлил, бежал к нашей цитадели, все устремились туда же. Но те, кто сидел внутри, наоборот, стали выбегать из крепости в полном вооружении.

– Все внутрь!!!! – повторил я и, споткнувшись обо что-то, упал... Вот сейчас мне и придёт конец... Я понял, что шансов у меня нет – пики как дождь стали втыкаться в землю вокруг меня, но я вскочил, с удивлением понимая, что всё ещё жив. Вот так! Даже не ранен! Секунда – все уже были внутри и закрывали дверь. Я тоже здесь. Только шум снаружи дал понять, что внутри всё-таки не все, кто-то остался там, на растерзание чужакам. Возле двери с той стороны буквально кого-то разорвали.

– Не хватает троих, – пересчитав нас, с напряжённой ноткой в голосе, сказал Лисимах: – Кажется, нет Аристокла, Ксантиппа и Ипатия.

– Да, похоже, это их кровь, – сказал я, глядя на дверь снизу – небольшая лужа показалась из-под неё: – Думаю, мы рановато закрыли дверь.

За дверью шёл оживлённый разговор:

– Нет! Среди убитых нет Александра! – слышались вражеские голоса из-за двери.

– Что вам нужно?! Кто вы?! – крикнул я через дверь.

Пришельцы перешепнулись, через какое-то время прозвучал голос:

– Я Гентий, сын Гентия, которого обманул и убил царь Филипп. Сейчас я пришёл отомстить за своего отца и убить сына Филиппа – Александра. Я уверен, что он среди вас. Это так?

– Какое тебе дело до меня, я тебя даже не знаю?

– Это будет просто месть, зуб за зуб, глаз за глаз, как говорят. Выйди, если ты не трус и не хочешь, чтобы погибли все – тебе всё равно не жить, нас здесь сто человек, вас меньше десяти, мы до вас всё равно доберёмся. Я знаю вас даже по именам – у меня есть свой осведомитель

у вас в столице. Но если вы будете сопротивляться, то всех кто выживет, я буду пытать так долго, что они будут умолять меня, чтобы я их просто убил, других вариантов у вас нет. То, что мы пришли убивать вас, знают только те, кто находится здесь. Повторяю, я ничего не имею против остальных, если кто-то из вас захочет сдать или убить своего командира я даже готов заплатить ему деньгами и взять к себе в войско всех вас. Подумайте!.. Я не хочу резни! Как только я начну штурм, у вас не будет шанса! Повторяю, я буду терзать тех, кто останется в живых до тех пор, пока они не начнут умолять меня убить их, но и тогда я буду их мучить!

Я залез на верхний этаж башни, чтобы видеть врага:

– Выговорился? Теперь послушай меня. Ваши трупы здесь будут лежать уже утром. Ко мне идёт отряд из пятисот человек – этого никто не знает, только я и Филипп. Если вы сейчас не исчезните, я лично отрежу тебе голову. Кто ты? Гентий говоришь, так вот слушай, Гентий, бежите отсюда, пока я не сильно разозлился!!!

Конечно, я блефовал, но мне нужно было как-то сбить с него спесь и любым способом поднять боевой дух своих людей. Гентий не унимался:

– Ты рассмешил! Шутник, надеюсь, твоя смерть будет мучительной – я всё для этого сделаю!

Тут они немного отошли от крепости, видимо, что-то готовили. Защищать крепость осталось восемь мужчин и женщина, способная держать оружие. Соотношение сил несколько не радовало никого из сидящих в крепости:

– Александр, о чём ты говоришь? Какая помощь от Филиппа?

– Я хотел, чтобы они занервничали, уж слишком уверенно он себя ведёт, – я указал пальцем в сторону Гентия.

– Значить всё плохо... и у нас даже сбежать отсюда не получится?

– Не думай об этом! Они вторглись на территорию чужой страны и будут наказаны! Если их не перебьём мы, то придёт Филипп... когда-нибудь... и отомстит за нас! Не думайте о плохом!

Шло время, штурм не начинался, я поставил дозорного, и мы легли спать наверху, чтобы в случае атаки обороняться. На дверь внизу, я надеялся, что она выдержит тарана, кроме того возле неё остался сам хозяин Гермоген, его жена и, на всякий случай, дабы не произошло измены со стороны хозяев, там остался Лисимах, ответственный воин. Дети в случае атаки должны были уйти в погреб.

Я прилёг и усталость тут же сковала меня – я заснул. Я сплю, полная тишина, лежу, закрыв глаза и, вдруг слышу тихий шёпот:

– Александр, вставай... мы хотим тебе что-то сказать...

Я открываю глаза и вижу – все склонились надо мной. У них скорбные лица:

– Александр, вставай, пошли...

– Куда пошли?

– Туда, к ним... – их осторожные движения пугали меня – они указывали в сторону, где находилось войско далматов. Меня охватил ужас – они меня хотят сдать!!! Что делать?!!! Как избежать предательства своих самых близких на тот момент людей?!!! Я же сам взял себе этих самых проверенных ратников!!! И бежать некуда... Конец!!!

– Вы решили меня сдать???

Тут я открыл глаза – все спят – это был сон. Вдох облегчения. Пот скатился струйкой со лба. Но что это! О, проклятье! Дозорный тоже спит!!! Его надо наказать!!! Я ударил его по шлему:

– Алкид! Я тебя накажу!

Алкид открыл глаза и в ту же секунду заорал:

– Тревога!!! – со всех сторон, перепрыгивая через крепостную стену, вбегали чёрные фигуры. Македонцы едва успели вскочить на ноги – начался бой. Одновременно снизу послы-

шались мощные удары в дверь – это был таран. Я впервые оказался в осаждённой крепости, да ещё и в самой гуще событий, было нелегко. Воины противника оказались на редкость подготовленными. Кровь полилась рекой. Получив множество ран, далматы продолжали драться. Я акцентировался на том, чтобы сбрасывать со стен взбирающихся. Казалось, это всё будет длиться вечно. Весь пол был завален трупами, чтобы как-то передвигаться, я приказал перевешивать трупы через крепостную стену – это так же должно было помешать штурмующим, взбираться внутрь. Поднимаясь по своим лестницам, они натыкались на мёртвые тела, и здесь им нужно было, либо толкнуть их вперёд, в крепость, либо потянуть на себя, при этом атакующий мог потерять равновесие и сам упасть назад. В обоих случаях я успевал увидеть, откуда идёт атака и сдерживал врага.

Несмотря на реактивность ситуации, я был обуреваем мыслями: «Неужели я не выполню миссию Филиппа и умру как самый последний слабак!!! Неужели мне нельзя доверить даже самого простого – перевезти оружие из одного места в другое!!!»

Внезапно всё прекратилось. Наступила полная тишина. Было неприятно находиться в окружении гор трупов, некоторые всё ещё дёргались в агонии и тихо стонали, что ещё больше раздражало. Я решил побыстрее избавиться от трупов, те, кто ещё не был добит, были добиты нами сейчас. Я приказал всех скинуть с крепостной стены (их оказалось около пятнадцати) из них трое наших. Своих тоже пришлось скинуть, нельзя было загромождать охраняемое пространство. Я просмотрел стены снаружи – лестницы все уже были сняты. Нас осталось пятеро, не считая женщину. Должен сказать, что хоть трупов в крепости и не было, всё было залито кровью – запах стоял неприятный, слизь постепенно превращалась в сухие красные разводы. Все кто поранился, перевязывали себя, чтобы избежать потери крови, но чужой крови на нас было так много, что раненные не сразу могли понять, где им нужно перевязывать.

– Дверь далматы сильно раскатали тараном, – поставил в известность Гермоген: – Ещё немного и вышибут.

– Не волнуйся, если дверь начнёт разламываться – будем держать, – я сделал вид, что всё будет хорошо.

Мы легли отдохнуть. Внизу остались Лисимах и Гермоген с женой. Я с Андромахом и Алкидом остался наверху.

Делать было нечего, нужно было как-то отдыхать. Все легли, кроме дозорного. Кто-то даже уснул. Сон начал окутывать и меня, но тут я почувствовал толчок в плечо – мой меч автоматически вылетел из ножен:

– Лисимах, это ты! – передо мной стоял лучший из моих воинов, Лисимах, остальные тоже были здесь. – Что тебе нужно?! Что вы здесь делаете?

Я встал. За Лисимахом стояло двое: Алкид и Гермоген, за мной встал Андромах. Я сразу понял, что меня разбудили не просто так – в голове как удар молнии скользнула мысль...

– Успокойся и пойми нас правильно, мы не хотим умереть. Нас дома ждут жёны и дети. Мы не трусы, но мы хотим вернуться, а поэтому мы просим тебя, чтобы ты сдал себя сам. Этим ты спасёшь нас. Мы давали клятву верности, но по... – мой меч скользнул по его шее. Кровь хлынула из раны Лисимаха.

– Кто ещё хочет сказать что-нибудь?! – я полностью потерял контроль над собой: – А теперь скажу я! Тут я решаю, кто выживет, а кто умрёт, это вам ясно?!!!

Все молчали. Я понял, что они поддались на уговоры Лисимаха и теперь стояли в нерешительности.

– Меня сюда отправил царь Филипп, и я выполняю его задание с вами или без вас! Но советую вам подчиниться мне! Вы клялись в верности Филиппу и сейчас вы мне поклоняетесь в своей верности, и забудем об этом инциденте! Только быстро! Далматы не спят!

Моя ярость была велика! Но что мне было делать сейчас?! Я не палач, но и не жертва, не овца, которую хотят съесть на завтрак. Каждый из вас, наверное, сделал бы что-то подобное.

Несмотря ни на что мои люди (могу ли я теперь назвать их своими?) подчинились. Так нас осталось четверо мужчин и одна женщина.

После того, как я принял клятву верности, мы услышали шорох и скрежет у стен:

– Внимание! Смотрим во все стороны! – все бросились к стенам крепости и, оказалось, что вовремя – всё началось сначала, страшный штурм с огненными стелами, потоком летящих пик и копий. Дьявольские тёмные фигуры буквально влетали в крепость – началась новая резня. Были моменты, когда я вытирал глаза и не понимал, от пота я вытираю их или от крови, брызги которой заливали всё вокруг. В тот момент я не пользовался рассудком, мне было всё равно кто я и что происходит вокруг, я просто следовал своему природному инстинкту выжить. Я всё бы сделал, чтобы убить как можно больше. Это нельзя отнести к человеконенавистничеству или кровожадности, просто я хотел жить, а если и не выжить, то забрать с собой как можно больше.

Кроме запаха крови я чувствовал дыхание Танатоса, бога смерти. Мне казалось, что он был здесь и его огненные крылья обдували нас горячим ветерком. Забирая жизни находящихся здесь, он внимательно смотрел и в мою сторону, в любую секунду готовый утащить и меня. Я страшился его чар и поэтому читал молитву, ту молитву, о которой рассказала когда-то мне моя мама, когда поняла, что я уже достаточно взрослый: «Когда тебе будет совсем немого, сынок, читай эту молитву, она пришла мне от бабушки, та говорила, что если ты читаешь её, к-примеру, перед битвой или во время её, то ты не умрёшь. Даже если врагов будет много и они окружают тебя, читай её. Высшие силы найдут тебе путь выбраться...»

Молитва была в моей голове всегда – и тогда, когда я был безмятежен, и тогда, когда я мечтал выжить любой ценой. И сейчас, втыкая свой меч в лицо врага, я читал эту молитву. Когда я склонялся над ним и стрелы, пики, копы и дротики летели мимо меня, я читал её. Я читал молитву, когда поднимал голову, потому что знал, что что-нибудь может долететь и до меня. Я читал молитву, потому что знал, что мои же воины могут сломаться и перестать мне подчиняться. Не стану сейчас озвучивать текст её. Я думаю, у каждого человека должна быть своя молитва. Ведь каждый из нас откуда-то пришёл и своим детям он постарается передать самое значимое в его жизни. К этому значимому относится и она, молитва.

Схватка закончилась, мы сидели на трупах – кровь нас уже не пугала, главное отдышаться, глотнуть свежего воздуха. Я смотрел на тех, кто ещё недавно хотел меня отдать на растерзание врагу, нужно было пересчитать их, понять, какие у нас потери, чтобы правильно расставить для отражения следующей атаки. Все они были сейчас живы и, похоже, очень рады этому. Не знаю, чему они были рады больше – тому, что выжили или тому, что всё-таки не предали меня? Я продолжал опасаться их предательства, но вида конечно не подавал. Боль от разочарования не прошли.

Потери всё же были – был тяжело ранен Андромас. У него были разрезаны мышцы на бедре, мы сделали ему перевязку, но он всё равно не мог стоять на ногах. У него была также рана на правой руке, что делало его совершенно непригодным для боя.

Тут я понял, что со мной остались только те, кто хотел меня сдать. У Гермогена здесь жена и дети – я думаю, что сейчас о них он думает гораздо больше, чем обо мне. Если оставить их внизу, был риск, что они откроют дверь, поэтому я решил всех отправить наверх – под свой личный присмотр. Дети остались в подвале. Получалось, что ситуация в-целом для меня ещё больше ухудшилась. Но что тут поделать я не знал. Нужно было что-нибудь придумать.

Далматы отошли шагов на пятьдесят от крепости, их передвижения теперь не было видно. Легкий шум и больше ничего. Что они там замышляют?

– Там кто-то стучит в дверь, Александр, иди, послушай! – это Гермоген нарушил мои мысли. Мы спустились вниз. Я прислушался к двери. Тишина.

– Там точно кто-то стучал. Просто очень тихо.

Я ничего не слышал.

– Ну ладно, я пошёл наверх.

Тут я на самом деле, что-то услышал. Я движением руки дал понять, чтобы никто не шумел.

– Кто здесь? – нужно было разобраться, кто там может быть. Если это так шутят далматы, то смысла открывать не было, но если это кто-то из македонцев?..

– Откройте... это я, – слышалось с той стороны двери. – Это я, Ипатий...

Откуда здесь мог быть Ипатий? Он же убит. Или... нет?

Гентий говорил, что знает, сколько нас, даже по именам. А что если всё это подстроил он? Я открою дверь – и всё! Мы не сможем сдержать их! Осада закончена, а мы все трупы!

Но если это на самом деле Ипатий и он, каким-то образом, сбежал от далматов? Допустим, не побежал к крепости, когда они только пришли, а убежал в кустарники недалеко от крепости и выжидал, когда можно будет зайти к нам, чтобы помочь. Что же делать? Рискнуть нашими жизнями ради жизни Ипатия? Но всё же, если это не он? Ещё один вариант – это он, но он переметнулся на их сторону и теперь помогает им выманить нас? Вот это диллема!

– Они убьют его, если мы не впустим, – похоже Гермоген был озабочен жизнью Ипатия, хотя знал его совсем немного.

– Ну да, а если он уже на их стороне, – сказал кто-то ещё: – Или, если мы не успеем закрыть дверь, и далматы ворвутся сюда? Что тогда?

– Ладно, давай очень аккуратно откроем дверь, – я принял решение. – А если что-то будет не так, то тут же её закроем.

Гермоген медленно потянул засовы – мы все напряглись, понимая, что через секунду сюда может ворваться толпа врагов.

– Все придерживайте дверь, – я говорил как можно тише.

Мы медленно потянули дверь на себя. Когда она была достаточно приоткрыта, я увидел необычную картину – Ипатий стоял перед дверью, но он был не один, за ним находились незнакомцы. Конечно далматы, кто ещё!!!

– Закрывай!!! – и тут же мои воины навалились на дверь, в последний момент я увидел, как стоящий за Ипатием далмат, замахом руки перерезал ему горло кинжалом. Также мы все почувствовали сильный удар в дверь – это далматы кинулись на неё со своей стороны.

– Гады!!! Вы все умрёте!!! – кто-то кричал оттуда.

У кого-то из них даже получилось вставить ногу в проём двери. Из проёма скользнули два копьё. Одно копьё с шумом прошло у меня возле шлема, едва задев его, но шлем всё равно слетел с моей головы – я его не закрепил ремешком. Я также бросился закрывать дверь. Так как все остальные давили на дверь, стоя за мной, я выхватил кинжал из ножен – воткнул его в ногу врага. Нужно было что-то делать с копьёми. С ними оказалось сложнее, закрыть дверь не удастся, если они здесь. Из всех сил я рванул верхнее копьё – о чудо! Оно поддалось, я закинул его внутрь. Нижнее копьё, кажется, держали несколько человек, потому что вырвать его было невозможно, но и времени терять при перетягивании не было. Я метнул кинжал в проём – с той стороны, похоже, замешкались, но копьё всё же не поддавалось.

Обычно я носил три кинжала, это был мой стандартный набор, на каждой ноге маленькие кинжалы и на поясе побольше, поясной кинжал я уже выпустил, поэтому следующим полетел с ноги. Тут мне одной рукой стал помогать Алкид, держа плечом дверь. Теперь сил вырвать копьё у нас хватило. Препятствий, чтобы закрыть дверь, теперь не было, однако с той стороны стали сильнее давить на неё. Сил её держать уже не хватало. Как будто с той стороны давили слоны.

– Я наверх! Собыю их с дверей как-нибудь! Держитесь!

Я бросился наверх, там схватил несколько пик и начал прицельно метать их в толпу под дверью. Там находилось человек пять, видимо те, кто в темноте разглядел фигуру Ипатия у дверей, остальные так и оставались в своём стане, но некоторые, уже увидев движение здесь,

спешили на помощь своим соплеменникам. Давящие на дверь далматы были без щитов, и такой поворот событий для них был неожиданным. Они, один за другим стали отбегать от моих пик, не понимая, что происходит. Отвлёкшись на меня, они забыли о двери. И так, наша маленькая армия сумела закрыть дверь. Когда я спустился, чтобы помочь своим, дверь уже была заперта. Вздых облегчения и радость оттого, что все оставшиеся ещё живы, охватила нас. Жаль, конечно, было Ипатия, но тут я ничего сделать уже не мог.

Ночь не кончалась. Далматы под крепостью окончательно разозлились, слышалась неразборчивая ругань и какое-то движение. После того как последний труп был выкинут с крепости я стал вглядываться в темноту. Далматы решили усилить таран и всё-таки выбить дверь. Нужно было, чтобы кто-то стоял наверху, прицельно убивая таранящих дверь и кто-то внизу, удерживать дверь. Встала дилемма, что делать? Самому уйти вниз и оставить всех наверху, или отправить уцелевших и испуганных людей вниз и рисковать тем, что они могут открыть дверь сами?

Наверху должен быть меткий воин, который точечными ударами будет валить подбегающих воинов копьями, пиками, стрелами и дротиками. Таким человеком здесь был только я. На Алкида, Андромаха и Гермогена я не надеялся, на жену Гермогена тем более, хотя она являлась полноценной боевой единицей, которая показала, что может убивать противников. Делать было нечего – пришлось понадеяться на... я ещё сам не знал на кого. Мне сверху нужен был человек, который прикроет мне спину. Кого же взять из них? Все они лгуны и предатели! Больно думать так, но что делать?! Страшно ждать от каждого из них подвоха! Каждую секунду понимать, что тебе могут воткнуть меч в спину!..

Столько было мечтаний, что я стану великим полководцем и что не умру никогда! Что обо мне напишут что-то вроде «Илиады» и я оставлю свой след в истории! И что теперь?! Всё?! Конеч?!.. Какой-то идиот Гентий со своей тупой мстью, к которой я даже не имею никакого отношения!.. А воины, которых я выбрал сам, при первой же опасности ответили мне не преданностью, а предательством. Как всё глупо!.. Так я думал тогда.

Всё равно нужно было что-то решать, пока меня не убили или свои или горцы. Я всё-таки решил одного оставить с собой. Им стал Гермоген. Мне показалось, что борясь за жизнь жены и детей, он покорится мне и отбросит мысли о моей сдаче. Его жена была здесь же. Я сам теперь мог следить за ними. Сверху лежал также Андромах, который был тяжело ранен, но всё же мог кричать, если бы мне грозила опасность. Он даже раненный был необходим. Больше всего я надеялся на него. Внизу теперь оказался Алкид. Он, участвовавший в заговоре, также мог сломаться и сдать меня, но вариантов у меня не было. Всё-таки они были воинами Филиппа и давали ему клятву. Если он всё же откроет дверь и сдаст меня на растерзание врагу, то я здесь сделать уже ничего не смогу. С этими мыслями я всматривался в темноту и не мог понять, что же будут делать далматы.

Страх и усталость измотали меня окончательно. Моих людей, я уверен, тоже. Сто человек против пяти (теперь я посчитал также и жену Гермогена, она была пятой), у нас даже в крепости не было шансов. Я сжимал в руках два копья, но всё равно был уверен, что я для врагов лёгкая добыча. Холодный рассудок говорил, что шансов спастись нет. Мысленно я попрощался с жизнью. Хотя конечно опять вспомнил и прочитал свою молитву про себя. Нужно находиться в той ситуации, чтобы понять мои мысли и чувства. Сейчас наши жизни были в самой большой опасности из-за сильной усталости.

Мои мысли прервали крики Гермогена и его жены – на нас кинулись новые полчища врагов, перепрыгивая через стену. Все мысли об усталости и неуверенности тут же испарились, я показал своим, как не нужно бояться врага, убив копьями вбегающих. Они немного приободрились, но страх в их глазах не прошёл. Я приказал им защищать мне спину. Не знаю, кому в этот момент было страшнее мне или им. Им было проще воткнуть копьё мне в спину и прекратить этот кошмар. Через секунду наверху всё закончилось, зато снизу усилились удары

тарана. Я пошёл вниз. Дверь прохрипела так, как будто хотела сказать: «Забирайте всё, только не ломайте меня!» На секунду я подумал, что проще выбежать и дать последний бой, чем мучить своих людей и себя.

Мы все сгруппировались внизу, удерживая дверь. Через минуту я пошёл наверх – здесь был хороший вид, я кидал копья, пики, дротики, зрение у меня было хорошее – я уверен, что убил не одного. Это здорово, когда видишь, как падает очередной вражеский воин!!!

Неожиданно всё утихло. Что это было – никто не знал. Ко мне прибежали Алкид и Гермоген, спросили, что происходит, я не знал, что им ответить. Они меня не сдали – это уже хорошо. «Враги вы мне или друзья?!» – я не мог избавиться от этих мыслей.

– Если вы будете бояться не меня – ваша жизнь не будет стоить и гроша. Бойтесь меня и доверяйте только мне – и я вас вытащу из этого ада!!!

Все были в шоке. Молодой парень разясняет им, как нужно жить и бороться за свою жизнь. Да, я понял это по их глазам. В следующую секунду я, что называется, включил старейшину:

– Думайте о том, кто придёт за вами после смерти!!! Так или иначе, вы все умрёте – постарайтесь умереть достойно!!!

Я смотрел каждому в глаза, думаю, они прониклись моими мыслями. Я сам боялся смерти, но если мне было суждено умереть, то мне хотелось умереть вместе с ними. Так легче принять смерть. Одному страшновато, но если все вместе – о страхе забываешь.

– Все ушли, никого нет под стенами, – сказал кто-то из них, за эту фразу я готов был расцеловать их всех. Действительно вокруг крепости не было никого. Но стоит ли так радоваться?

– Что случилось?!

– Я думаю, ты, Александр, попал копьём в Гентия. Если он убит – у них нет смысла атаковать. Он либо убит, либо тяжело ранен. Смотри внимательно вниз.

Я сам был ранен в голову – меня нужно было перебинтовать: кровь сочилась из раны, но конечно из-за этого я не боялся за свою жизнь. Такие ранения в моей жизни были и до этого и после.

– Странно, что будем делать? – спросил Гермоген. Напряжение, которое не покидало меня всё это время, начало спадать.

– Действительно все ушли, – я не мог этому поверить. Вдох облегчения!!! Он был у всех!!! Было забыто всё. Я обнимал тех, кто ещё час назад хотел меня сдать. Андромех, тот, который был изрезан врагами, мой лучший на тот момент друг, плакал, глядя на нас.

Я знаю, что в этот момент ближе Андромеху для меня не было никого, но теперь я уже верил в верность и остальных. И я при всём при этом был абсолютно искренен.

– Пошли, посмотрим, что там, – все пошли вниз. Открыли дверь. Было утро, но видимость была плохой – стоял туман. Было очень красиво и свежо – туман, зелёная трава и тишина, только негромкий щебет птиц. Было хорошо, если не смотреть на трупы, лежащие на земле, то здесь, то там. Я прошёлся: действительно никого. Я прошёл вперёд, за мной шли те, кто ещё не так давно не верили в нашу победу. Те, кто готов был сдать меня на растерзание – интересно, какие они сейчас испытывают чувства, ведь похоже мы победили! По-крайней мере устояли, удержали крепость. Непередаваемая палитра ощущений. Ещё совсем недавно моя жизнь не стоила и ломаного гроша, а теперь всё закончилось?! У меня как будто, несмотря на усталость, начали расти крылья!

Как хорошо! Тишина и туман!

Вот я подхожу к незнакомому телу, ища своих среди убитых. Я выдёргиваю обломок копья. Да, это был Аристокл, тоже бесстрашный воин, как и Андромех. Жаль его, но что делать. Он погиб, пытаясь спасти меня. Неторопливый ход моих мыслей неожиданно нарушил незнакомый голос:

– Вот ты и попался, – я услышал неприятный хрип. Я поднял голову – передо мной был весь перебинтованный Гентий, вокруг него воины, но сколько их!!! Они как будто выросли из земли. Их так много. Сейчас они уже наполовину окружили меня!!! Мне не уйти!!! Вся жизнь пронеслась перед глазами, сердце забилося страшными ударами. Всё же я взмахнул обломком копья и... упал. Запах травы и земля передо мной... да я упал... и понял – сейчас копья и пики придут в действие и раздробят мне спину. Никакой надежды я не лелеял, в тот момент я простился с жизнью, потому что знал, что убить меня сейчас сможет даже ребёнок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.